Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)
Факультет «Юридический»
Кафедра «Уголовное право, криминология и уголовно-исполнительное право»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
заведующий кафедрой,
к.ю.н., доцент
_____ И.М. Беляева
_____ 2016 г.

Юридическая природа добровольного отказа от совершения преступления

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ФГБОУ ВПО «ЮУрГУ» (НИУ) – 030900.62.2016.415ВКР

Руководитель работы,
доцент кафедры
_____ Н.И. Щипанова
20.06 2016 г.

Автор работы,
Студент группы Ю-415
_____ А.А. Усова
20.06. 2016 г.

Нормоконтролер, преподаватель
_____ Т.В. Кухтина
_____ 2016 г.

Челябинск 2016

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)
Факультет «Юридический»
Кафедра «Уголовное право, криминология и уголовно-исполнительное право»
Направление 030900.62 «Юриспруденция»

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой,
к.ю.н., доцент
_____ И.М.Беляева
_____ 2016г.

ЗАДАНИЕ
на выпускную квалификационную работу студента
Усовой Анны Анатольевны
группа Ю-415

1 Тема работы: «Юридическая природа добровольного отказа от совершения преступления»,
утверждена приказом по университету от «15» _апреля_ 2016 г. № 661
2 Срок сдачи студентом законченной работы «06» _июня_ 2016г.
3 Исходные данные к работе Уголовное законодательство, монографии, учебники, научные статьи, материалы судебной практики
4 Перечень вопросов, подлежащих разработке
понятие, признаки и значение добровольного отказа
добровольный отказ в зарубежном уголовном праве
некоторые аспекты добровольного отказа на отдельных стадиях совершения преступления
соотношение добровольного отказа и деятельного раскаяния
обстоятельства исключающие преступность деяния и специальные виды освобождения от уголовной ответственности
5 Иллюстративный материал
в данной теме иллюстративный материал не предусмотрен
6 Дата выдачи задания «01» апреля 2016г.

Руководитель, доцент кафедры _____ Н.И. Щипанова

Задание принял к исполнению _____ А.А. Усова

КАЛЕНДАРНЫЙ ПЛАН

Наименование этапов выпускной квалификационной работы	Срок выполнения этапов работы	Отметка о выполнении руководителя
Введение	июнь2016	
Глава первая	апрель 2016	
Глаза вторая	май 2016	
Заключение	июнь 2016	
Библиографический список	июнь 2016	

Заведующий кафедрой, к.ю.н., доцент _____ И.М.Беляева

Руководитель работы, доценткафедры _____ Н.И. Щипанова

Студент _____ А.А. Усова

АННОТАЦИЯ

Усова А.А. Выпускная квалификационная работа «Юридическая природа добровольного отказа от совершения преступления»: ФГБОУ ВПО «ЮУрГУ» (НИУ), Ю-415, 103 с., библиогр. список - 121 наим.

Объект дипломной работы – общественные отношения, складывающиеся в сфере реализации положений добровольного отказа как самостоятельного института уголовного права.

Цель дипломной работы – оценка и анализ теоретических и практических вопросов законодательной регламентации института добровольного отказа, определение его содержания и теоретической конструкции.

В дипломной работе проанализировано понятие добровольного отказа, его признаков, рассмотрено значение добровольного отказа, проведено исследование института добровольного отказа в зарубежном уголовном законодательстве. Кроме того на основании анализа добровольного отказа от преступления и смежных институтов предложены критерии разграничения добровольного отказа от деятельного раскаяния, специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, обстоятельств исключающих преступность деяния.

Результаты дипломной работы имеют практическую значимость, содержат выводы и предложения по совершенствованию норм уголовного права.

Изложенные в работе выводы, определение понятия добровольного отказа, его признаков и критериев разграничения со смежными институтами уголовного права будут способствовать обогащению и развитию знаний в области изучения указанного института.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	ВВЕДЕНИЕ	6
1	ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ОТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	
1.1	Понятие, признаки и значение добровольного отказа	8
1.2	Добровольный отказ в зарубежном уголовном праве	26
2	ОСОБЕННОСТИ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА В НЕОКОНЧЕННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ, ЕГО МЕСТО СРЕДИ ДРУГИХ ИНСТИТУТОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА	
2.1	Некоторые аспекты добровольного отказа на отдельных стадиях совершения преступления	43
2.2	Соотношение добровольного отказа и деятельного раскаяния	52
2.3	Обстоятельства, исключающие преступность деяния и специальные виды освобождения от уголовной ответственности	72
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	88
	БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	94

ВВЕДЕНИЕ

Значительная роль в решении практических задач укрепления законности и правопорядка принадлежит уголовному праву как элементу правовой системы общества, обеспечивающему борьбу с преступлениями.

Уголовное законодательство, закрепляя уголовно-правовые запреты, стремится не только определить меру наказания лицам, совершившим преступления, но и предупреждает совершение общественно опасных посягательств. Большое значение для реализации задачи предупреждения преступлений имеет институт добровольного отказа от совершения преступления. Создавая его, законодатель стимулирует своевременный отказ лиц от преступления, не допуская, таким образом, наступления вредных для человека, общества и государства последствий. Лицо, решившее отказаться от доведения преступления до конца, не совершает преступления, тем самым не причиняет вреда охраняемым уголовным законом объектам, либо ликвидирует угрозу причинения такого вреда.

Тем не менее, считаем, что в настоящее время некоторые вопросы, связанные с применением института добровольного отказа, до сих пор не нашли своего решения. Так, спорным до сих пор остается вопрос о том может ли иметь место добровольный отказ при приготовлении или покушении на преступление либо необходимо более точно использовать терминологию и признавать возможным добровольный отказ только на некоторых стадиях совершения преступления.

Другим интересным вопросом является разграничении добровольного отказа и обстоятельств, исключающих преступность деяния, а также разграничение добровольного отказа и других оснований освобождения от уголовной ответственности.

Кроме того, практики, то изучение приговоров судов показало, что в некоторых случая до сих пор правоприменители могут допустить ошибку при квалификации деяния лица и незаконно привлечь последнего к уголовной ответственности, несмотря на наличие признаков добровольного отказа в его действиях.

Изложенное безусловно свидетельствует об актуальности выбранной темы исследования.

Объект данной работы являются общественные отношения, складывающиеся в сфере реализации положений добровольного отказа как самостоятельного института уголовного права, предметом – нормы отечественного и зарубежного уголовного законодательства, регламентирующие добровольный отказ от совершения преступления, монографическая литература, затрагивающая вопросы, связанные с отказом лица от совершения преступления, а также нормы, связанные с неоконченным преступлением и иными обстоятельствами освобождения от уголовной ответственности.

Цель дипломной работы – оценка и анализ теоретических и практических вопросов законодательной регламентации института добровольного отказа, определение его содержания и теоретической конструкции.

Задачи дипломной работы:

– дать анализ понятия добровольного отказа от совершения преступления;

– раскрыть признаки добровольного отказа от совершения преступления;

– определить значение добровольного отказа от совершения преступления;

– рассмотреть законодательную регламентацию института добровольного отказа в зарубежном уголовном праве;

– выявить особенности добровольного отказа на отдельных стадиях совершения преступления;

– соотнести добровольный отказ и деятельное раскаяние;

– выявить сходство и отличие добровольного отказа от смежных институтов уголовного права.

Результаты данного исследования имеют практическую значимость, содержат выводы, предложения по совершенствованию норм уголовного законодательства.

Изложенные в работе выводы, и результаты изучения проблемных вопросов могут быть полезными в деятельности практических работников.

1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ОТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

1.1. Понятие, признаки и значение добровольного отказа

Еще в русском Уголовном праве добровольный отказ оставил свидетельства своего существования. Ст. 113 Уголовного уложения России 1845 г. постановляла: «Когда учинивший приготовление к преступлению, или уже покусившийся на оное остановился при том и по собственной воле не совершил преднамеренного, то он подвергается наказанию лишь в том случае, если содеянное им при сем приготовлении или покушении есть само по себе преступление, а не за то, которое он прежде был намерен совершить»[1].

Наука уголовного права, уголовное законодательство и судебная практика в бытность СССР исходили из положения, что при добровольном отказе от совершения преступления лицо не привлекается к уголовной ответственности.

В Руководящих началах по уголовному праву 1919 г. не имелось конкретной нормы по добровольному отказу, но не привлечение к ответственности в этих случаях осуществлялось на основании более общего положения ст. 16 данного закона. В ней отражалось, что «с исчезновением условий, в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялись опасными для данного строя, совершивший его не подвергается наказанию». Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., в частности ст. 14, фактически признал ненаказуемость деяния в случае отказа от его совершения «по собственному побуждению» покушавшегося. Но это положение было выражено не прямо, а подразумевалось, так как в статье обращалось внимание лишь на случаи, когда ответственность не исключается. Ст. 14 Уголовного кодекса гласила: «...покушение же, не доведенное до конца, по собственному побуждению покушавшегося, карается, как то, преступление, которое фактически им совершено». Создавалось впечатление, что при добровольном отказе всегда остается совершенным какое-то преступление, и лицо

[1] Таганцев Н.С. Русское уголовное право (Общая часть): курс лекций. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – С. 316.

обязательно подвергается наказанию. Поэтому редакцию указанной статьи нельзя признать удачной.

Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. не содержали прямых указаний по вопросу о добровольном отказе от совершения преступления. Ст. 11 Основных начал носила лишь общий характер, а именно: «Если начатое преступление не было доведено до конца, то есть если преступный результат по каким-либо причинам не наступил, то суд при выборе мер социальной защиты, назначенных уголовным законом за данный вид преступления, руководствуется степенью опасности лица, совершившего преступление, и степенью осуществления преступного намерения».

Данное положение, устанавливающее наказуемость вне зависимости от причин, в силу которых преступный результат не наступил, по сути стерло границы между прерванным извне приготовлением или покушением и добровольно оставленной предварительной деятельностью.

Таким образом, Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик не внесли ничего нового в развитие института добровольного отказа от преступления, и более того, вообще его не различали. Однако это не мешало М.М. Исаеву утверждать, что союзные республики, по смыслу ст. 11 Основных начал, вправе внести в уголовные кодексы норму о добровольном отказе[1].

В рамках советского уголовного законодательства впервые понятие «добровольный отказ» было отражено в Уголовном кодексе РСФСР редакции 1926 г. ч. 2 ст. 19 гласила: «В случаях, если преступление не было совершено по добровольному отказу лица, намеревавшегося совершить это преступление, от его совершения, суд устанавливает соответствующую меру социальной защиты за те действия, которые фактически были совершены покушавшимся или приготовлявшимся».

[1] Исаев М.М. Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик. – М.: Изд-во Ком. Акад., 1927. – С. 52.

Вместе с тем данная норма по смыслу мало отличалась от ст. 14 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.. Сохранялась мысль, что при добровольном отказе всегда остаются совершенными действия, за которые суд устанавливает соответствующую меру социальной защиты.

Конкретное положение о непривлечении лица к ответственности при добровольном отказе встречалось лишь в рамках доктринального толкования. Так, например, авторы учебника «Уголовное право (Общая часть)» 1938 г. отражают, что «Добровольный отказ, есть отказ от доведения начатой предварительной преступной деятельности до конца при наличии сознания фактической возможности ее окончания»[1].

Правовой институт добровольного отказа от совершения преступления представляет собой определенную систему норм, запрещающих привлечение лица к уголовной ответственности в случае, когда оно, выполняя действия по подготовке преступления или уже исполняя преступное деяние, по собственной воле отказывается от продолжения дальнейших действий по его совершению.

В своем исследовании Л.З. Тадевосян отмечала, что добровольный отказ от завершения преступления является социально полезной деятельностью субъекта, которая дает возможность избежать, с одной стороны, нанесении вреда охраняемым уголовным законом интересам, а с другой – нейтрализовать угрозу наступления для субъекта неблагоприятных последствий, предусмотренных законом за совершенное деяние[2].

В ранних работах ученых существовала позиция, согласно которой основное значение института добровольного отказа от преступления состоит в том, что он «побуждает лицо воспользоваться возможностью отказаться от преступления, то есть стимулирует общественно-полезное поведение»[3].

---

[1] Демежанова С.М. История развития добровольного отказа от совершения преступления // Проблемы права. – 2009. – № 2. – С. 107.

[2] Тадевосян Л.З. Неоконченные преступления: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – С. 55.

[3] Сахаров А.Б. Предупредительная функция советского уголовного закона // Актуальные проблемы уголовного права: сборник статей. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1988. – С. 80.

Интересно суждение А.И. Коробеева, А.В. Усс и Ю.В. Голика, утверждавших, что человек, попавший в сферу влияния уголовного закона и вступивший с ним в конфликт, должен иметь возможность при соблюдении ряда условий в любой момент выйти из этого конфликта[1].

Еще раз отметим, что институт добровольного отказа от совершения преступления не является новым для науки уголовного права и законодательства.

Тем не менее, до принятия Уголовного кодекса РФ 1996 г. в законе отсутствовало данное понятие. Поэтому в теории возникло немало дискуссий и споров, послуживших поводом для восприятия данного института с диалектической точки зрения, что нашло свое отражение в различных воззрениях.

Так, например, по мнению Н.В. Лясса, добровольный отказ от преступления является отказом лица от продолжения и завершения планируемого преступления, когда лицо осознает объективную возможность продолжения уже начатой им преступной деятельности[2]. Дополнив в своем последующем труде данную точку зрения, автор характеризует добровольный отказ как обусловленный любыми мотивами отказ лица по собственной воле от продолжения запланированного преступления и доведения его до конца – когда лицо осознает объективную возможность продолжить уже начатую преступную деятельность[3].

В.Д. Иванов также определяет добровольный отказ как отказ лица по собственной воле от продолжения уже начатой преступной деятельности и доведения ее до конца при наличии осознания возможности ее завершения[4].

А.А. Пионтковский считает, «что добровольный отказ – это отказ от доведения начатой предварительной преступной деятельности до конца, при наличии осознания фактической возможности ее окончания»[1].

---

[1] Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. – Красноярск: Изд. Красноярского ун-та, 1991. – С. 189.

[2] Лясс Н.В. Стадии преступной деятельности по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1952. – С. 13.

[3] Лясс Н.В. Добровольный отказ от совершения преступления // Советская юстиция. – 1963. – № 22. – С. 17.

[4] Иванов В.Д. Понятие добровольного отказа от начатой преступной деятельности // Правоведение. – 1992. – № 1. – С. 60.

По мнению автора, добровольным отказом от преступления следует считать основанный на собственном желании и воле лица отказ от возможности совершения приготовительных действий, что, в свою очередь, влечет и прекращение уже начатой преступной деятельности и недоведение ее до конца. При этом у лица должны отсутствовать: интеллектуальный и волевой критерии вины на совершение преступления; осознание фактической возможности доведения преступления до конца; причины и препятствия, исключающие возможность продолжения преступного поведения и достижения преступной цели.

В случае добровольного отказа от совершения преступления лицо может быть привлечено к уголовной ответственности только за те действия, которые содержат признаки преступления. В случае отсутствия признаков оконченного или неоконченного преступления лицо при завершенной деятельности не должно подлежать уголовной ответственности. Таким образом, в случае добровольного отказа лицо не подлежит уголовной ответственности за деяние, которое оно намеревалось совершить. Именно поэтому особую значимость приобретает констатация факта добровольного отказа от преступления.

Приведем пример: 23 июня 2013 г. в подъезде дома из личной неприязни, умышленно, Худяков нанёс Ж.А.С. несколько ударов ножом. При этом удары ножом Ж.А.С. стал наносить в тот момент, когда потерпевший находился к нему спиной. Согласно показаниям потерпевшего Ж.А.С., Худяков нанёс ему удары ножом – в спину, в руку, в бок, в лицо, в шею, в грудь, в живот, а также нанёс два удара головой по лицу.

Суд первой инстанции квалифицировал деяния Худякова по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Архангельского областного суда приговор Соломбальского районного суда города Архангельска от 04 декабря 2013 г. в отношении Худякова изменила, переквалифицировала действия

---

[1] Пионтковский А.А. Вопросы Общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов. – М.: Госюриздат, 1954. – С. 95.

Худякова с ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 111 УК РФ указав при этом следующее: «Вышеуказанные действия Худякова судом первой инстанции квалифицированы по ст. ст. 30 ч. 3, 105 ч. 1 УК РФ, как покушение на убийство, однако, судебная коллегия не может согласиться с данной юридической оценкой содеянного.

В соответствии с положениями ч. 3 ст. 30 УК РФ покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам.

Как видно из приговора, при описании преступного деяния Худякова, суд указал: «Худяков из личной неприязни, умышленно, с целью убийства Ж.А.С. нанес ему два удара головой по лицу и 11 ударов клинком ножа. Однако смерть Ж.А.С. не наступила по зависящим от Худякова обстоятельствам…», то есть тем самым суд фактически признал добровольный отказ Худякова от доведения преступления – убийства до конца.

В силу ч. 3 ст. 31 УК РФ лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит иной состав преступления.

Поскольку в результате умышленных преступных действий Худякова Ж.А.С. был причинён тяжкий вред здоровью, действия Худякова подлежат квалификации по наступившим последствиям – по ст. 111 ч. 1 УК РФ, как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека»[1].

Итак, лицо при добровольном отказе освобождается от уголовной ответственности в случае:

1) отсутствия вины;

2) отсутствия общественно опасного характера деяния;

3) прекращения осуществления своего преступного намерения;

[1] Дело № 22-584/2014 … из архива Архангельского областного суда за 2014 г.

4) когда утрачивается опасность угрозы охраняемым уголовным законом общественным отношениям и ценностям.

А.А. Тер-Акопов справедливо указывает на то, что добровольный отказ от преступной деятельности имеется только в том случае, когда уже возникают определенные действия, осуществленные лицом «на пути» к совершению преступления. Только в этом случае исключение уголовной ответственности имеет практическое значение, а в уголовном законодательстве формируется целый комплекс норм права, который называется институтом добровольного отказа от совершения преступления[1].

Развивая данное положение, отметим, что прекращенным будет считаться осуществляемый лицом акт внешнего поведения. Поэтому только после констатации факта прерывания предварительной преступной деятельности правоохранительные органы начинают рассматривать его с позиций добровольного или вынужденного отказа, тем самым давая правовую оценку прекращенной или фактически завершенной деятельности.

Считаем, что позиция российского законодателя при конструировании нормы ч. 2 ст. 31 УК РФ в части введения слова «прекращение» является прогнозируемой и предусмотрительной. Таким образом, законом очерчена та грань, при которой лицо должно перестать совершать начатое преступное деяние.

Представляется, что в этой связи было бы неполным считать добровольность отказа от совершения деяния лишь при обращении к данному определению, поскольку «перестать делать что-либо» в данном контексте предполагает наличие собственного желания и воли лица, а не осознания им объективной невозможности продолжить деяние, что, безусловно, не будет являться добровольным отказом.

Что касается формулировок «добровольный отказ от совершения преступления» и «добровольный отказ от преступления», то особых различий между ними не имеется, так как в обоих выражениях подчеркивается, что деяние

[1] Тер-Акопов А.А. Добровольный отказ от совершения преступления. – М.: Юрид. лит., 1982. – С. 12.

лица в случае добровольного отказа не является преступлением, поскольку лицо от него (от его совершения) отказалось. В русском языке слово «совершить» имеет значение осуществить или сделать что-либо. Поскольку способность сделать и осуществить что-либо присуща только субъекту, особенностью формулировки «добровольный отказ от совершения преступления» является акцент именно на деятельности лица, то есть на самом акте его отказа. Напротив, использованная в Уголовном кодекса РФ формулировка «добровольный отказ от преступления» допускает придание ей различного толкования.

Добровольный отказ в узком смысле – это непосредственно сам акт отказа, то есть прекращение лицом развития начатой им же преступной деятельности. Об этом свидетельствует, в частности, ч. 2 ст. 31 УК РФ, устанавливающая признаки добровольного отказа, которые характеризуют именно поведенческий акт лица, выразившийся в его отказе от продолжения преступления.

Вместе с тем добровольный отказ может пониматься и в широком смысле – как деяние в целом. Иными словами, под добровольным отказом в широком смысле понимается деяние, представляющее изначально реализацию лицом преступного умысла (подготовка к совершению преступления или исполнение деяния), и последующее за ней прекращение данных действий (бездействия) до момента окончания преступления по собственной воле, посягавшее на совершение преступления лицом[1].

В целом можно утверждать о том, что понятие «добровольный отказ» в широком смысле применяется в основном наукой уголовного права. Законодатель же при конструировании норм ч. 1 и 2 ст. 31 УК РФ использует данный термин в узком смысле[2].

Как и любой институт науки уголовного права, институт добровольного отказа от совершения преступления, обладает рядом присущих только ему определенных

[1] Орлова А.И. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2007. – С. 18.

[2] Шамина М.А. Дискуссионные подходы к определению понятия «Добровольный отказ от совершения преступления» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 35. – С. 66.

признаков и свойств. Согласно словарю, признак – это показатель, примета, знак, по которым можно определить что-нибудь[1]. Поэтому для того, чтобы понять юридическую природу каждого из них применительно к институту добровольного отказа, следует обратиться к научным разработкам ученых-юристов и специалистов, исследовавших данную проблему.

Наиболее распространенной точкой зрения считается разграничение добровольного отказа по двум обязательным признакам, при наличии которых лицо не подлежит уголовной ответственности. Это добровольность и окончательность отказа от завершения преступления. Такой подход, по мнению автора, не только способствует четкому и однозначному толкованию института «добровольный отказ от совершения преступления», но и позволяет избежать возможных ошибок в правоприменительной практике. Мы также солидарны с позицией ряда теоретиков и российского законодателя, в том, что обязательными признаками добровольного отказа от преступления выступают именно добровольность и окончательность этого отказа[2]. Другие ученые относят к этим признакам также осознание возможности окончания преступления[3]. Третьи, помимо вышеперечисленных, добавляют и такой признак как прекращение приготовительных действий (бездействия) или действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления[4].

К числу объективных признаков добровольного отказа от преступления П.Н. Панченко относит: 1) фактическое; 2) действительное; 3) своевременное

---

[1] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 531.

[2] Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1955. – С. 196; Дьяков С. Добровольный отказ от совершения преступления // Социальная законность. – 1973. – № 10. – С. 56; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. – М.: БЕК, 1996. – С. 282; Сверчков В. Место добровольного отказа от преступления в системе уголовного законодательства // Уголовное право. – 2001. – № 2. – С. 28.

[3] Иванов В.Д. Добровольный отказ от совершения преступления. – М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1982. – С. 8; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / под ред. С.И. Улезько. – Ростов н/Д.: Изд. центр «МарТ», 2002. – С. 63.

[4] Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рарога. – М.: ТК Велби Издательство «Проспект», 2004. – С. 134.

прекращение преступления; а к числу субъективных – прекращение преступления: 1) по собственной воле; 2) окончательно; 3) безоговорочно[1].

Позиция данного ученого в целом заслуживает одобрения, однако, рассмотрение окончательного и безоговорочного прекращения преступления в качестве самостоятельных признаков добровольного отказа считаем нецелесообразным, поскольку сущность окончательного характера добровольного отказа состоит именно в том, что субъект более не возвращается к преступной деятельности, а такое дробление признаков добровольного отказа может затруднить применение этого института на практике.

Раскрывая такой признак как добровольность, следует отметить, что составной его частью выступает осознание лицом возможности доведения преступления до конца. Только при наличии осознания, правильно будет говорить о свободно сформировавшейся воле лица на отказ от совершения преступления.

По мнению автора, добровольность означает, что лицо, прежде всего, по своей воле (так как именно воля человека является действенной стороной его сознания), благодаря такому сознанию психическая деятельность человека влияет на практическую. Под влиянием волевых процессов субъект может активизировать свою деятельность и, преодолев трудности, добиться ее завершения, т. е. совершить оконченное преступление. Но он же, благодаря воле, может и удержаться от совершения определенных действий, даже если они начаты, либо дать им иное направление, так как волевое торможение деятельности – важное свойство личности[2].

Приступая к совершению преступного деяния, лицо под влиянием определенных мотивов может прекратить начатую деятельность, сознавая, что это происходит именно благодаря его воле, и оно направляет свои действия, либо, напротив, не совершает действий на ее прекращение. В конечном счете, все это свидетельствует об исчезновении или подавлении у него ранее

---

[1] Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. П.Н. Панченко. – Н. Новгород: Городец, 1996. – С. 74.

[2] Луков Г.Д. Психология. – М.: Воениздат, 1964. – С. 320.

сформировавшегося намерения совершить преступление. Следовательно, прекращение по собственной воле начатой преступной деятельности и не доведение ее до конца, характеризуется наличием у лица твердой уверенности в необходимости самому добровольно отказаться от своего замысла.

Волевое усилие, направленное на добровольное прекращение преступления, неразрывно связано с другим признаком добровольного отказа – с осознанием лицом возможности успешного доведения начатой преступной деятельности до конца.

Этот признак, хотя и тесно связан с добровольностью, но имеет самостоятельное значение. Если субъект считал, что он может довести преступление до конца, хотя в действительности такая возможность отсутствовала, о чем ему не было известно, данный отказ надлежит признавать добровольным[1].

Сознание и воля как основные психические функции человека являются взаимно обусловленными психическими процессами. При этом они выступают различными сторонами единого психологического акта. Поэтому установления реальной возможности доведения начатого преступления до конца как определяющего признака добровольного отказа имеет важное значение.

Существует мнение о том, что осознание лицом возможности доведения преступления до конца является самостоятельным признаком добровольного отказа наряду с добровольностью и окончательностью[2].

В обоснование данной позиции, В.Д. Ивановым высказывается точка зрения, согласно которой добровольность прекращения преступной деятельности означает, что субъект сознательно, по своей воле принимает решение о таком отказе. При этом его воля не подвержена каким-то внешним воздействиям, которые бы парализовали ее. Вместе с тем, для добровольного отказа недостаточно, чтобы он был обусловлен одним только желанием. Требуется,

---

[1] Уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Петрашева. – М.: Издательство ПРИОР, 1999. – С. 286.

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Л. Крутикова. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 68.

чтобы лицо, принимая такое решение, сознавало и возможность доведения преступления до конца».

Однако, как нам кажется, данные суждения не имеют права на существование. Ведь как можно отделить сознание, и тем самым придать ему автономный характер без наличия волевого, желаемого процесса. В правоприменительной практике не найдено ни одного такого случая, когда бы факт самостоятельности сознания от воли был бы выявлен. Действительно, добровольность, понимаемая как свободное волеизъявление лица, отсутствует во всех без исключения случаях, когда у данного лица нет осознания возможности доведения преступления до конца, а, следовательно, свободного выбора на продолжение, или, напротив, отказа от совершения начатого преступления.

Н.В. Лясс вводит в содержание добровольности отказа такой дополнительный критерий, как инициатива лица на отказ от преступления. По ее мнению, под признаком добровольности следует понимать «прекращение лицом преступной деятельности по собственной инициативе, при сознании объективной возможности выполнения задуманного, а не под давлением внешних обстоятельств»[1]. С ней полемизирует И.С. Тишкевич, который считает, что «отказ от продолжения преступления признается добровольным в тех случаях, когда субъект отказывается от окончания преступления по собственному, внутреннему побуждению, сознавая при этом, что продолжение начатой преступной деятельности объективно возможно»[2].

По мнению автора, инициатива отказа может исходить не только от лица, начавшего совершение преступления, но и по просьбе или уговорам родственников, знакомых и иных лиц. Естественно, признак добровольности при таком неперсонифицированном отказе не обязателен. Как представляется, отказ от преступления лица, начавшего его совершение, в любом случае не влияет на возможность квалификации последующего за ними отказа в качестве

[1] Лясс Н.В. Добровольный отказ от совершения преступления. – М.: Сов. Юстиция, 1963. – С. 16.
[2] Тишкевич Н.В. Приготовление и покушение по уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1958. – С. 220.

добровольного. «Правовое значение имеет лишь тот факт, что решение об отказе принимается данным лицом свободно, в отсутствие принуждения со стороны кого-либо и в условиях осознания возможности доведения преступления до конца»[1]. «Они (мотивы) могут возникнуть у лица, отказавшегося от совершения преступления, либо совершенно самостоятельно, либо в результате общения с другими лицами (родственниками, знакомыми). Важно, однако, чтобы решение об отказе совершить преступление было принято добровольно в условиях, когда лицо сознает возможность довести до конца свою преступную деятельность»[2].

В целом, можно отметить, что признак добровольности отказа от преступления означает осознанная возможность лица самостоятельно, или по инициативе иных лиц, не основанном на принуждении (в этом случае недоведение преступления до конца не будет добровольным, и лицо полежит уголовной ответственности за неоконченное преступление) отказа от совершения преступления. Итак, можно констатировать, что субъективная сторона добровольного отказа от преступления определяется тем, что субъект добровольно и окончательно отказывается от доведения преступления до конца (волевой признак), осознавая реальную возможность доведения его до конца (интеллектуальный признак).

Так, 06 марта 2013 г. Поляков решил совершить кражу нефти из узла задвижек нефтепровода внешнего транспорта нефти на территории Уватского района Тюменской области, принадлежащего ООО «ТНК-Уват», расположенного в 250 метрах от 435 километра автодороги Тюмень-Ханты-Мансийск в Уватском районе Тюменской области.

Реализуя указанный умысел, Поляков нанял для закачки и последующей перевозке нефти водителя грузового седельного тягача (марка 1) с полуприцепом цистерной (марка 2) ФИО8 неосведомленного о его преступных намерениях.

После чего, 06 марта 2013 г. около 03 часов Поляков проследовал к узлу нефтепровода внешнего транспорта нефти, где действуя незаконно, умышленно,

---

[1] Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 2000. – С. 201.

[2] Советское уголовное право: Общая и Особенная части / под ред. Ю.В. Солопанова. – М.: Юрид. лит., 1981. – С. 94.

из корыстных побуждений, тайно, безвозмездно с помощью переходника подсоединил шланг к крану, расположенному на камере пуска-приема поршня для отчистки нефтепровода, а затем поместил второй конец шланга в цистерну грузового тягача, открыл кран и начал загрузку нефти в цистерну.

В судебном заседании подсудимый Поляков вину в предъявленном обвинении не признал, суду пояснил, что действительно хотел совершить кражу нефти, для чего, не посвящая в свои планы, попросил оказать содействие ФИО7 и двух ранее не знакомых парней на грузовом тягаче с цистерной, сказав им, что помогут ему сделать работу. Когда приехали к узлу задвижек нефтепровода, передумал совершать кражу. После этого приехали сотрудники полиции.

Суд признал Полякова виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 158 Уголовного Кодекса Российской Федерации. В мотивировочной части приговора суд указал следующее: «Согласно ч. 1 ст. 31 УК РФ добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца.

По смыслу уголовного закона, если лицо отказалось от продолжения совершения преступления из-за различного рода препятствий, которые затрудняли совершение преступления или делали его совершение невозможным, то добровольный отказ в этих случаях отсутствует. Добровольный отказ отсутствует и в том случае, если лицо во время совершения преступления узнало о том, что ему грозит реальная опасность быть застигнутым на месте совершения преступления и поэтому отказывается от доведения своего преступного намерения до конца.

Вопреки доводам Полякова и его защитника, суд находит доказанным вышеперечисленными доказательствами факт того, что отказ подсудимого от совершения преступления добровольным не является. Противоправные действия Поляков прекратил только после того, как он, подсоединив шланг к крановому

узлу нефтепровода и начав закачку нефти в цистерну, был обнаружен сотрудниками полиции, а осознавший противоправный характер его действий водитель грузового тягача с цистерной ФИО решил прекратить оказывать ему содействие.

Таким образом, Поляков не смог довести преступление до конца только по тому, что его действия обнаружили сотрудники полиции, а находившийся с ним водитель грузового тягача ФИО8 осознал противоправный характер его действий и прекратил оказывать ему содействие, то есть по причинам, не зависящим от подсудимого»[1].

В этой связи следует отметить, что на практике следует воздерживаться от расширенного толкования волевого признака добровольного отказа от преступления, что может привести к формированию практики необоснованного освобождения от уголовной ответственности.

Такой признак добровольного отказа от преступления как окончательность также вызывает немало дискуссионных вопросов. Окончательный характер – один из обязательных признаков отказа от преступления, когда субъект полностью, окончательно и безоговорочно прекращает начатую преступную деятельность. Если он прекращает преступную деятельность лишь временно, исходя из определенных соображений, чтобы позже совершить преступление в более благоприятных условиях (например, прекращает кражу с целью приспособления необходимого инструмента для его совершения), то такой отказ от преступления нельзя считать добровольным, поскольку и сам субъект, и его деяние продолжают оставаться общественно опасными.

Признак окончательности является обязательным признаком добровольного отказа, поскольку характеризует его сущность, заключающуюся в характерном только для добровольного отказа следующем развитии субъективных и объективных элементов в их взаимосвязи:

1) возникновение умысла на совершение преступления;

[1] Дело № 1-2/2014 … из архива Уватского районного суда Тюменской области за 2014 г.

2) выполнение подготовительных действий или части объективной стороны состава;

3) отпадение умысла на совершение преступления;

4) отказ от продолжения преступной деятельности.

Существует мнение, что признак окончательности отказа от преступной деятельности не является обязательным признаком добровольного отказа. Так, А.П. Козлов, определяет его как общий, родовой признак по отношению к неоконченному преступлению в целом, и соответственно для каждого его вида[1]. Такая точка зрения автора неприемлема хотя бы потому, что, несмотря на некоторое внешнее сходство (в обоих случаях преступная деятельность прерывается), добровольный отказ от преступления не считается разновидностью неоконченного преступления, и включение указанных институтов в главу о неоконченных преступлениях УК РФ является следствием несовершенства законодательства. Поэтому позиция А.П. Козлова, пытавшегося построить собственные доводы на указанные обстоятельства, неоправданна. Кроме того, в той же работе автор указывает, что добровольный отказ будет иметь место тогда, когда он окончателен, т. е. лицо прекратило преступную деятельность не для поисков более эффективных путей достижения преступного результата, а с тем, чтобы к данной конкретной преступной деятельности больше не возвращаться.

Действительное прекращение преступной деятельности лицом означает, что субъект, выполняя определенные действия, направленные на достижение преступного результата и порождающие изменения объективной действительности, не доводит их до логического завершения.

Как отмечает Н.В. Лясс, действительное прекращение преступной деятельности означает, что субъект прекращает ее окончательно и открывается доводить до конца, т. е. реализовать законченный состав задуманного преступления. Факт прекращения преступных действий является обязательным признаком добровольного отказа, свидетельствующим об изменении преступных

[1] Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – С. 311.

намерений лица. Добровольный отказ имеет место тогда, когда лицо уже произвело определенные изменения во внешнем мире, направленные на осуществление преступления, однако по собственной воле прекращает уже начатые им действия (бездействие), не доводя свой преступный замысел до конца.

Своевременное прекращение преступной деятельности – один из важнейших признаков добровольного отказа[1]. Своевременное прекращение преступления означает, что добровольный отказ может иметь место лишь в случае, если лицо прекращает действия (бездействие) по созданию условий для совершения общественно опасного деяния или непосредственно направленные на совершение преступления до того момента, с которым законодатель связывает окончание преступления.

Некоторые ученые, анализируя признаки добровольного отказа, делят их на субъективные и объективные, которые в конечном итоге сливаются воедино и обусловливают друг друга. Такого рода дифференциация признаков добровольного отказа носит условный характер, а ее окончательной целью является верное и точное применение на практике института добровольного отказа.

К числу объективных признаков добровольного отказа Н. Лясс относит действительное и окончательное прерывание преступной деятельности, а к числу субъективных – прекращение преступной деятельности по собственной инициативе лица, причем в условиях осознания объективной возможности доведения преступления до конца, а не под воздействием внешних сил.

В целом верно характеризуя признаки добровольного отказа, автор, тем не менее, игнорирует такую важную особенность добровольного отказа, как своевременность прекращения преступной деятельности субъектом. Кроме того, окончательный характер прекращения преступной деятельности он рассматривает как объективный признак. Нет сомнений в том, что окончательный характер добровольного отказа получает объективное отражение (субъект не продолжает

[1] Назаренко Г.В. Русское уголовное право. Общая часть: курс лекций. – М.: Ось-89, 2005. – С. 122.

свое преступное посягательство), однако содержательная сторона этого признака носит субъективный характер, поскольку субъект, принимая решение о прекращении преступной деятельности, в первую очередь подтверждает свою внутреннюю решимость окончательно отказаться от продолжения преступления, а, следовательно, сам определяет, что в дальнейшем продолжать преступную деятельность не будет и прекращает ее окончательно и безоговорочно.

Следовательно, окончательный характер добровольного отказа от преступления следует рассматривать исключительно в его субъективном смысле.

Признак окончательности будет отсутствовать, если лицо в данный момент и в конкретной ситуации отказывается от завершения преступления, решив лучше подготовиться к его совершению (подыскать соучастников, подождать, когда хозяева квартиры переедут на дачу, договориться с владельцем автомашины о перевозке добытого преступным путем и т. п.).

Не будет окончательности и в случаях отказа лица от повторного совершения преступления, поскольку первая попытка была неудачной. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении по делу К. разъяснил, что отказ от повторения преступного посягательства не исключает уголовной ответственности за оконченное покушение, но может быть учтен судом при назначении наказания[1].

Таким образом, добровольным отказом следует признавать добровольное и окончательное прекращение начатого лицом конкретного преступления при наличии у него уверенности в возможности реального его окончания.

Основанием освобождения лица от уголовной ответственности при добровольном отказе являются прекращение продолжения преступного деяния (объективная сторона преступления перестает выполняться) и субъективной стороны (преступный умысел больше не реализуется).

Подытоживая, отметим, что существуют основные и дополнительные признаки, характеризующие институт добровольного отказа.

Основные: 1) добровольность; 2) окончательность.

[1] Шамина М.А. Признаки добровольного отказа от совершения преступления // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 10. – С. 203, 207.

Дополнительные: 1) своевременность; 2) действительность; 3) объективность; 4) субъективность.

1.2 Добровольный отказ в зарубежном уголовном праве

В современных условиях сравнительно-правовой метод становится все более востребованным методом научного познания, в том числе в сфере уголовно-правовой науки. Такая тенденция, полагаем, во многом связана с неуклонно растущими темпами глобализации преступности, противостояние которой требует интеграции усилий государств мирового сообщества. Первым шагом на пути к полноценному взаимодействию и сотрудничеству государств в борьбе с транснациональной преступностью является гармонизация уголовного законодательства разных государств, в свою очередь, невозможная без изучения и критического анализа не только собственного, но и зарубежного уголовного права.

Большинство авторов, изучающих теорию сравнительного правоведения, так или иначе поднимают вопрос о правилах или критериях, по которым должно производиться сравнение. В работах М.Н. Марченко и Г.А. Есакова они получили название принципов сравнения[1] или принципов сравнительно-правового метода[2].

Ю.А. Тихомиров пишет об общих правилах сравнительно-правового анализа[3], Л.Г. Овсепян – о правилах компаративного анализа[4].

Разными авторами в числе таких правил, принципов, критериев называются: необходимость всестороннего учета исторических, национальных, экономических, социально-политических и иных условий, в которых возникают и развиваются сравниваемые правовые нормы, институты, отрасли и системы права;

---

[1] Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть. – М.: Зерцало, 2001. – С. 119–127.
[2] Есаков Г.А. Основы сравнительного уголовного права: Монография. – М.: Элит, 2007. – С. 11–13.
[3] Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. – М.: НОРМА, 1996. – С. 54–60.
[4] Овсепян Л.Г. Уголовно-правовая охрана флоры и фауны по законодательству Армении и России (сравнительно-правовое исследование). – Владимир: Актион-пресс, 2008. – С. 27–31.

установление не только общих черт и признаков сравниваемых правовых систем, но и их особенностей, а также специфических признаков, свойственных отдельным системам; выделение главных и второстепенных признаков и черт сравниваемых систем; сравнительное исследование правовой материи не только в статике, но и в динамике; необходимость критического анализа полученных при сравнении результатов[1].

Общепризнанным и, полагаем, основным среди этих правил или принципов является потенциальная сравнимость исследуемых явлений. По мнению М.Н. Марченко, вопрос о сравнимости различных явлений, институтов и учреждений решается в зависимости от наличия у них общих черт, признаков, принадлежности их к одному и тому же роду или виду, наличия у них сходных структур, функций, общей сферы приложения, сходных задач и целевых установок. А.А. Малиновский отмечает, что объекты, входящие в предмет сравнительно-правового исследования, должны быть сопоставимы, т. е. однородны, при этом необходимо учитывать сущностные различия внешне сходных явлений и процессов правовой действительности, специфику отдельных уголовно-правовых систем и их институтов, которая предопределяет уникальность некоторых юридических терминов, а также тот факт, что содержательное наполнение одинаковых терминов может существенно различаться[2]. Г.А. Есаков указывает, что определение потенциальной сравнимости правовых норм предполагает акцент не на нормативной составляющей права, а на его функциональной стороне, т. е. на том, как оно разрешает конкретную социальную проблему.

Под нормативным и функциональным сравнением в научной литературе понимаются два разных подхода к сравнительно-правовым исследованиям, при первом из которых сравнение идет от нормы к социальному факту, а при втором –

[1] Ильина А.И. К вопросу о значении сравнительно-правового метода для совершенствования правил экстерриториального действия российского уголовного закона в пространстве // Вестник Башкирского университета. – 2011. – № 4. – С. 141.

[2] Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. – М.: Международные отношения, 2002. – С. 5.

от социального факта к его правовому регулированию[1]. К. Цвайгерт и Х. Кетц называют функциональность основным методическим принципом сравнительного правоведения, согласно которому нельзя сравнивать несравнимое, а сравнимо в праве лишь то, что выполняет одну и ту же задачу, одну и ту же функцию[2].

Таким образом, в соответствии с принципом сравнимости или функциональности в сфере сравнительного правоведения первым этапом сравнительно-правового исследования является выявление общей для различных правопорядков социальной проблемы и, исходя из этого, ограничение круга сравниваемых правовых систем. На втором этапе осуществляется поиск правовых средств, которыми решается исследуемая проблема в правовых системах различных государств.

С позиций функционального подхода проблема определения пространственных пределов действия уголовного законодательства является универсальной для существующих правовых систем.

Само наличие на политической карте мира множества государств, обладающих собственной юрисдикцией, в том числе уголовной, диктует необходимость в ограничении сферы распространения юрисдикции каждого из них.

Пределы распространения уголовной юрисдикции государств также обусловлены объективными факторами. К ним относятся, во-первых, наличие у любого государства государственной территории, ограниченной государственной границей, во-вторых, перемещение лиц, в том числе граждан государства и иностранных граждан, с пересечением государственных границ. Современные социальные и политические процессы, такие как увеличение миграционных потоков, рост транснациональной преступности, глобализация всех сфер жизни, также затрагивают абсолютное большинство существующих государств и

[1] Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). – М.: Юристъ, 2003. – С. 50.
[2] Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х тт. Том I. – М.: Международные отношения, 2000. – С. 50.

требуют адекватного законодательного ответа в рамках института действия уголовного закона в пространстве.

Общность социально-политической проблематики порождает и сходство нормативного регулирования действия в пространстве уголовных законов РФ и зарубежных стран. Так, можно выделить ряд общих для большинства государств тенденций законодательной регламентации действия уголовного закона в пространстве:

1) распространение действия уголовного закона государства на всю его территорию;

2) территориальное расширение сферы уголовной юрисдикции за счет объектов и территорий, не являющихся территорией государства, но приравненных к ней;

3) ограниченное действие уголовного закона государства в отношении граждан этого государства безотносительно к месту совершения ими преступления;

4) включение в сферу уголовной юрисдикции преступлений, направленных против интересов государства и его граждан, независимо от места их совершения и гражданства лиц, их совершивших;

5) установление универсальной юрисдикции в отношении наиболее опасных с точки зрения мирового сообщества преступлений.

Рассматривая вопрос о значении сравнительного правоведения, А.Х. Саидов отмечает два обстоятельства. Сравнительно-правовые исследования, по его мнению, позволяют, во-первых, изучить явления правовой действительности, которые ранее не охватывались проблематикой правоведения, и выйти за национальные рамки своей правовой системы; во-вторых, взглянуть под особым углом зрения на ряд традиционных проблем юридической науки с учетом тенденций развития права в современном мире.

Полагаем, что отмеченные возможности сравнительно-правовых исследований приобретают особую ценность при изучении института добровольного отказа от совершения преступления.

В большинстве зарубежных уголовных кодексов правовые последствия добровольного отказа от преступления являются средством дифференциации уголовной ответственности. Рассмотрим это на примере законодательства ряда стран.

В УК Франции специальной нормы о добровольном отказе нет. Согласно ст. 121–4, лицо, которое пытается совершить преступление или (в случаях, предусмотренных законом) проступок, считается исполнителем преступного деяния. Вместе с тем французский законодатель в ряде норм Особенной части специально оговаривает освобождение от наказания в случае добровольного отказа лица. Так, согласно ст. 422–1, любое лицо, пытавшееся совершить террористический акт, освобождается от наказания, если, предупредив административные или судебные органы власти, оно позволило избежать совершения деяния, а в случае необходимости – установить других соучастников. Если же деяние уже совершено, наказание может быть сокращено наполовину в случае, когда виновный прекратил преступные действия, сообщил правоохранительным органам о преступлении и тем самым позволил избежать причинения смерти или тяжкого вреда здоровью людей и установить других виновных в совершении преступления. Во втором случае речь идет о деятельном раскаянии, поскольку с формально-юридической точки зрения преступление уже окончено. Отдельно оговаривается освобождение от наказания и в случае попытки совершить некоторые политические (государственные) преступления, а именно, саботаж, посягательство на институты публичной власти, сдачу национальной территории иностранному государству и др.[1]. Такого рода оговорка, по мнению Н.Е. Крыловой, сделана, так как при других государственных преступлениях

[1] Чупрова О.Н. Добровольный отказ от преступления: особенности дифференциации ответственности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2007. – № 2. – С. 109.

добровольный отказ невозможен, поскольку они считаются оконченными при совершении указанных в законе действий, создающих угрозу причинения вреда государственным интересам, независимо от дальнейшего поведения виновного[1].

В УК ФРГ предусматривается ненаказуемость покушения, если лицо добровольно отказалось от дальнейшего исполнения деяния или препятствует его доведению до конца. В абз. 2 параграфа 24 закреплен институт соучастия при добровольном отказе от преступления. В соответствии с ним, не подлежит наказанию любое лицо, добровольно препятствующее доведению преступления до конца. Таким образом, немецкий законодатель не дифференцирует признаки добровольного отказа исполнителя преступления и соучастников, ставя всех их в равное правовое положение[2].

Также, Особенная часть УК ФРГ снабжена положениями о добровольном отказе.

Так, согласно абз. 5 § 264 УК ФРГ, добровольный отказ от получения субсидии после осуществления основного состава исключает наказание лица. В абз. 9 § 261 УК ФРГ содержится специальная норма, также не имеющая аналога в УК РФ, об исключении ответственности лица за отмывание преступных доходов, если оно добровольно сообщает о деянии компетентным органам или добровольно дает повод для подобного сообщения и деяние в этот момент не является полностью либо частично раскрытым. Норма § 264а УК ФРГ также снабжена предписанием об исключении наказания лица, если оно добровольно предотвращает получение выгоды в результате совершения указанного преступления.

И в абз. 2 § 265*b* УК ФРГ содержится предписание о ненаказуемости лица, добровольно предотвратившего предоставление суммы кредита[3].

---

[1] Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учеб. пособие / под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Омега-Л, 2003. – С. 328–329.

[2] Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. материалов / под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Зерцало, 1998. – С. 237.

[3] Грибов А.С. Дифференциация ответственности за экономические преступления с помощью средств Особенной части УК ФРГ // Вестник ЮрГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 76.

Ст. 46*b* УК Голландии устанавливает, что «ни приготовление, ни покушение на совершение преступления не имеют места, если преступление не было завершено исключительно по причине обстоятельств, зависящих от воли преступника»[1].

Параграф 22 УК Дании[2], ст. 18 (3) УК Болгарии также провозглашают ненаказуемость добровольно оставленного покушения[3]. Так согласно ст. 18 (3) УК Болгарии: «при совершении покушения лицо не подлежит наказанию, когда оно по собственному побуждению: а) отказалось от завершения исполнения преступления или б) предотвратило наступление преступных последствий».

При этом А.И. Ситникова отмечает: «Характерно, что в УК Голландии, Дании, Болгарии отсутствуют нормы о правовом положении соучастников в случае их добровольного отказа от доведения преступления до конца»[4].

Согласно ст. 43 УК Японии, если лицо по собственной воле прекратило совершение преступления, то наказание смягчается или данное лицо должно быть освобождено от наказания. В то же время в девятнадцати статьях Особенной части УК неоконченные акции фигурируют как самостоятельные составы[5].

УК Италии также предусматривает возможность добровольного отказа от преступления, который является обстоятельством, исключающим уголовную ответственность. Совершенные действия наказываются только в том случае, если они сами по себе содержат признаки преступного деяния.

Добровольный отказ состоит в прекращении деятельности по воле самого субъекта. Аналогично российской правовой доктрине итальянская теория уголовного права различает оконченное и неоконченное покушение. По мнению

---

[1] Уголовный кодекс Голландии / под ред. Б.В. Воложенкин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 177.

[2] Уголовный кодекс Дании / под ред. С.С. Беляева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 26.

[3] Уголовный кодекс Болгарии / под ред. А.И. Лукашева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. –С. 205.

[4] Ситникова А.И. Указ. соч. – С. 81.

[5] Уголовный Кодекс Японии / под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 53.

большинства итальянских авторов, добровольный отказ возможен только на стадии неоконченного покушения.

В случае покушения на преступление, совершаемое путем бездействия, добровольный отказ должен выразиться в осуществлении тех действий, которые лицо должно выполнить (например, мать возобновляет кормление новорожденного ребенка).

Возможен добровольный отказ одного из соучастников. Однако, необходимо, чтобы соучастник, отказавшийся от совершения преступления, исключил своей вклад в достижение преступного результата или выполнил действия с целью воспрепятствования его наступлению[1].

В УК Испании (ч. 2 ст. 16) норма о добровольном отказе провозглашает: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое добровольно предотвращает совершение преступления, отказавшись от его завершения, препятствуя наступлению последствий, за исключением случаев, когда фактически совершенное им деяние составляет другое преступление или проступок»[2]. УК Польши определяет, что удавшийся добровольный отказ исключает уголовную ответственность и наказание. Неудавшийся отказ, который сформулирован как попытка предотвратить наступление опасных последствий, является обстоятельством, чрезвычайно смягчающим наказание (§ 1 ст. 15). В случае вступления в сговор с другим лицом с целью совершения преступления не подлежит наказанию тот, кто предпринял существенные усилия, направленные на предотвращение совершения преступления (§ 1 ст. 17)[3].

Нормы о добровольном отказе содержатся в уголовном законодательстве всех стран СНГ и ближнего зарубежья. Уголовное законодательство этих стран предусматривает исключение уголовной ответственности лица, добровольно отказавшегося от доведения преступления до конца.

---

[1] Уголовное право зарубежных государств / под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Зерцало, 2001. – С. 531.

[2] Уголовный Кодекс Испании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: Зерцало, 1998. – С. 15.

[3] Уголовный Кодекс Республики Польша / под ред. А.И. Лукашева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 35–37.

Нормы об исключении уголовной ответственности соучастников в случае их добровольного отказа имеются в уголовных кодексах Беларуси (ч. 3 и 4 ст. 15), Казахстана (ч. 3 ст. 26), Киргизии (ч. 3 ст. 29), Азербайджана (ст. 30.4, 30.5), Армении.

Так, до введения в действие УК Республики Армения[1], принятого Национальным Собранием РА 18 апреля 2003 г. вопрос добровольного отказа при соучастии регулировался нечетко – он решался только теорией уголовного права[2] и практикой ее применения.

Введенный в действие с 1 августа 2003 г. УК Республики Армения посвятил правовому регулированию института добровольного отказа от преступления при соучастии части 3 и 4 ст. 36.

Ч. 3 ст. 36 УК Республики Армения четко устанавливает: «Организатор преступления, подстрекатель или пособник при добровольном отказе не подлежат уголовной ответственности, если оно своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления исполнителем до конца».

Ответственность организатора, подстрекателя и пособника зависит от того, сумеют ли они предотвратить завершение преступления исполнителем. Если исполнитель отказался от доведения преступления до конца под воздействием организатора, подстрекателя или пособника, то их действия будут рассматриваться как добровольный отказ, а сами они будут освобождены от уголовной ответственности. Если же организатору, подстрекателю или пособнику не удастся предотвратить доведение преступления исполнителем до конца, то предпринятые ими меры по предотвращению преступления могут быть учтены при назначении им наказания как обстоятельства, смягчающие ответственность и наказание (ч. 4 ст. 36 УК РА).

---

[1] Уголовный Кодекс Республики Армения от 18.04.2003. – *URL: http://www.competition.am/upl*

[2] Ананьин А.Ф. Организация, подстрекательство и пособничество в групповом преступлении: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1980. – С. 7; Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. – Киев: София, 1968. – С. 57; Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1962. – С. 110.

Однако, некоторые ученые замечают: «Посвятив ч. 3 и ч. 4 ст. 36 УК РА особенностям добровольного отказа от преступления при соучастии, законодатель проявил непоследовательность. Институту соучастия посвящена следующая, 7-я глава УК РА. Учитывая, что добровольный отказ связан не только с видом соучастия, но и формой соучастия, статью, посвященную особенностям добровольного отказа от преступления при соучастии целесообразнее было бы поместить после анализа форм соучастия – дополнив главу об институте соучастия, включающую в себя ч. 3 и 4 ст. 36, новой статьей «Добровольный отказ от преступления при соучастии». Кроме того, по нашему мнению, необходимо дополнить ч. 3 и 4 ст. 36., поскольку они не в полной мере охватывают особенности добровольного отказа соучастников.

Дополнение главы о соучастии новой статьей позволило бы логически четко сформулировать и правильно применять на практике как институт добровольного отказа, так и институт соучастия, поскольку нецелесообразно помещать положения, относящиеся к одному и тому же уголовно-правовому институту в разных главах Общей части УК, тем более анализировать вопрос об ответственности соучастников в институтах, предшествующих соучастию»[1].

Уголовные кодексы Беларуси, Казахстана и Азербайджана дифференцируют нормы, исключающие уголовную ответственность организатора, подстрекателя и пособника в случае предотвращения ими совершения преступления исполнителем.

В УК Киргизии (ч. 3 ст. 29) правовое положение соучастников в случае их добровольного отказа не дифференцировано. Основания исключения уголовной ответственности организатора и подстрекателя в УК Казахстана (ч. 3 ст. 26) и Азербайджана (ст. 30.4) совпадают и состоят в том, что эти лица своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления исполнителем до конца.

[1] Тадевосян Л.З. Добровольный отказ от преступления при соучастии // Вектор науки ТГУ. – 2010. – № 1. – С. 140.

В соответствии с ч. 3 ст. 15 УК Беларуси исключение уголовной ответственности организатора и подстрекателя возможно только в том случае, если эти лица предотвратили совершение преступления.

УК Киргизии (ч. 3 ст. 29) предусматривает исключение уголовной ответственности организатора, подстрекателя и пособника, «если эти лица своевременно предприняли все зависящие от них меры для предотвращения совершения преступления и общественно опасные последствия при этом не наступили»[1].

По мнению А.И. Ситниковой, «отказ законодателя Киргизии от дифференциации правового положения соучастников в случае их добровольного отказа от завершения преступления является обоснованным, поскольку уголовное законодательство других стран СНГ предъявляет менее жесткие требования к основанию освобождения пособника от уголовной ответственности, если тот для предотвращения преступления предпринял все зависящие от него меры (ч. 4 ст. 31 УК РФ) либо до окончания исполнителем преступления отказал ему в заранее обещанном укрывательстве или устранил результаты оказанной помощи (ч. 4 ст. 15 УК Беларуси; ч. 3 ст. 26 УК Казахстана)[2]. В данном случае мы в полной мере придерживаемся позиции А.И. Ситниковой, поскольку пособник своими действиями может детерминировать факт совершения преступления не в меньшей степени, чем, например, подстрекатель. Поэтому ставить пособника в привилегированное положение – означает нарушать принцип справедливости в уголовном праве.

Более того, ни в ст. 31 УК РФ, ни в изученном нами уголовном законодательстве зарубежных стран ничего не говорится о добровольном отказе соисполнителя в групповом преступлении. Следует полностью согласиться с Э.Ф. Побегайло в том, что своим согласием участвовать в преступлении соисполнитель детерминировал принятие соучастниками решения о совершении

[1] Уголовный Кодекс Кыргызской Республики / под ред. А.П. Стуканова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 57.
[2] Ситникова А.И. Указ. соч. – С. 80–81.

группового преступления. Вследствие этого его отказ от соисполнительства, если при этом преступная деятельность группы не прекращается, не освобождает его от уголовной ответственности. Своими активными действиями он должен сделать все от него зависящее, чтобы предотвратить совершение преступления другими исполнителями. Только тогда его ответственность исключается[1].

В английском уголовном праве отказ от совершения преступления (независимо от того, добровольный он или же нет) не признается обстоятельством, исключающим ответственность за покушение на совершение преступления, и такое решение вопроса в свое время было поддержано в проекте УК, подготовленном Правовой комиссией для Англии и Уэльса. Тем не менее, в теории уголовного права этот вопрос решается не столь однозначно. В частности, одно из направлений в его разрешении сводится к разделению отказа на недобровольный и добровольный. Недобровольный отказ (т. е. вызванный внешними обстоятельствами, мешающими осуществлению преступного замысла) единообразно рассматривается как неисключающий ответственности за покушение на преступление.

Добровольный отказ вызывает споры в теории уголовного права. Следующие доводы приводятся Эндрью Эшвортом: против допущения отказа говорит «временная логика» уголовного права – если покушение уже совершено (начато совершением), то как можно отказаться от уже совершенного? В пользу признания отказа, напротив, указывает моральная неупречность действующего (а моральный упрек, как было показано ранее, образует основу субъективистски-сориентированного подхода к наказуемости покушения), отказавшегося от своего преступного намерения; говорит и то, что в таких случаях срабатывает превентивная функция уголовного права[2].

Общему праву США институт добровольного отказа не известен, так как считается, что если действие, составляющее покушение, совершено, то

---

[1] Уголовное право России: учеб. для вузов / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М.: Норма, 1999. – С. 206.

[2] Есаков Г.А. Покушение как разновидность неоконченного преступления в английском уголовном праве // Русский закон. – 2005. – № 2. – С. 376.

последующее поведение лица не имеет юридического значения. Тем не менее, законодательством отдельных штатов, испытавшим в этом вопросе влияние Примерного УК (п. 4 ст. 5.01), при определенных условиях предусматривается возможность освобождения от ответственности за отказ от доведения преступления до конца. Так, в п. 3 § 40.10 УК штата Нью-Йорк сказано: «Утверждающей защитой является то, что при обстоятельствах, ясно показывающих добровольный и полный отказ от своего уголовно наказуемого намерения, обвиняемый избежал совершения преступления, на которое он покушался, путем отказа от своих уголовно наказуемых усилий и, если простого отказа для такого избежание недостаточно, путем предпринятия дальнейших и позитивных шагов, которые предотвратили его совершение».

В Примерном уголовном кодексе также сказано о том, что обстоятельством, освобождающим соучастника от уголовной ответственности, является его добровольный отказ от соучастия в преступлении, выраженный в активной форме. Отказ должен иметь место до совершения преступления, и лицо должно «лишить свое соучастие какой либо эффективности» или своевременно предупредить соответствующие органы о готовящемся преступлении[1].

Также в рамках настоящей работы, помимо рассмотрения положений о добровольном отказе, принятых в уголовном праве Англии, США, Франции, рассмотрим и положения одной из ведущих стран Латинской Америки – Аргентины.

В IV разделе Общей части УК Аргентины содержится определены покушение и его правовые последствия. Согласно ст. 42, покушением расценивается любое начатое преступное деяние, не доведенное «до конца по не зависящим от воли виновного причинам». Уголовно-правовые последствия покушения состоят в установлении минимальных и максимальных границ его наказуемости, зависящих от вида наказания за оконченное преступление. Особенностью аргентинского

[1] Чупрова О.Н. Добровольный отказ от преступления: особенности дифференциации ответственности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2007. – № 2. – С. 109.

уголовного права является возможность освобождения лица от ответственности при негодном покушении в «зависимости от степени опасности, проявленной преступником» (ст. 44). Добровольный отказ исполнителя от доведения преступления до окончания (т. е. отказ от совершения преступления, сделанный человеком по своей инициативе и при наличии возможности продолжить преступную деятельность) выступает в качестве обстоятельства, исключающего наказуемость (ст. 43)[1].

Анализ дифференциации ответственности в уголовном праве зарубежных стран при не оконченном преступлении позволяет нам сделать следующие выводы.

Во-первых, значение добровольного отказа от преступления для дифференциации уголовной ответственности в различных уголовно-правовых системах многолико. В некоторых странах он исключает уголовную ответственность и наказание (Франция, ФРГ, Голландия, Дания, Болгария, Испания, Польша), в других – является основанием для смягчения наказания (например, в Японии). Общему праву США институт добровольного отказа не известен, однако в статутном праве в последнее время он находит свое проявление.

Во-вторых, в ряде стран законодатель дифференцирует особенности добровольного отказа соучастников преступления (ФРГ, Польша, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Азербайджан).

В-третьих, более совершенными следует считать те уголовно-правовые системы, которые не дифференцируют ответственность соучастников преступления при групповом его совершении. Действия организатора, подстрекателя, пособника и соисполнителя, направленные на добровольный отказ от преступления, вполне могут быть учтены в процессе индивидуализации уголовной ответственности.

[1] Кибальник А.Г. Основные положения уголовного права Аргентины // Общество и право. – 2010. – № 4. – С. 113.

В-четвертых, законодатели зарубежных стран формулируют добровольный отказ по-разному: одни за пределами покушения и приготовления, выделяя его в самостоятельный институт уголовного права; другие признают его разновидностью покушения и приготовления, соблюдая в неприкосновенности концепцию добровольного отказа, свойственную еще в законах XIX в. К первым, прежде всего, можно отнести УК Голландии, ст. 46*b* которой прямо указывает на то, что при добровольном отказе нет места ни приготовлению, ни покушению, пожалуй, это единственный из кодексов (по крайней мере, нам других пока не встретилось), где так жестко, четко и точно решена проблема соотношения пресеченной и прекращенной деятельности. При этом надо помнить, что данный уголовный закон – один из самых старейших в Европе, он вступил в силу в 1886 г., но с самого начала в нем были разделены покушение и добровольно оставленное покушение. По этому поводу А.Н. Круглевский писал: «По этим законодательствам (голландскому, испанскому и португальскому) добровольно оставленное покушение вообще не подходит под понятие о покушении». Анализируемая статья была введена в УК в 1994 г., т. е. законодатель лишь уточнил свою прежнюю позицию. Менее понятна позиция испанского законодателя, который в ст. 16 УК 1995 г. изложил и положения о покушении (ч. 1), и положения о добровольном отказе (ч. 2); не исключено, что и испанское законодательство сохранило свою прежнюю позицию о самостоятельности добровольного отказа. Похоже на то, что и законодатель Японии разделил покушение и добровольный отказ, хотя и то, и другое урегулировал в одной статье (ст. 43 УК) даже без разделения ее на части; такой вывод следует из названия статьи: «Покушение на преступление и прекращение исполнителем совершения преступления». Уголовное законодательство стран, ранее входивших в СССР и некоторых из тех, которые входили в социалистический лагерь (УК КНР), однозначно разделяет добровольный отказ и покушение.

Тем не менее, во многих странах законодатель вводит в пределы покушения и приготовления добровольный отказ. При этом позиции законодателей весьма

туманны. Посмотрим на УК Австрии, в § 16 которого речь идет о добровольном отказе от покушения и ч. 1 которого начинается со слов «Исполнитель не наказывается за покушение...». Остается открытым вопрос, было все–таки покушение или его не было при добровольном отказе? Очень похоже на то, что в анализируемой норме законодатель не исключил покушения, т. е. признал добровольный отказ видом покушения, в противном случае не было необходимости упоминать в законе, регламентирующем добровольный отказ, о ненаказуемости покушения. Точно так же поступает УК ФРГ (§ 24), УК Швеции (ст. 3 главы 23), УК Республики Польша (ст. 15, 17), УК Республики Болгария (ч. 3 ст. 17, ч. 3 ст. 18). Думается, такое решение едва ли следует признать точным в силу абсолютной несхожести пресеченной и прекращенной преступной деятельности[1].

И так, подводя итоги вышесказанного, можно сказать, что понятие добровольного отказа от совершения преступление получило законодательное закрепление в УК РФ 1996 г.

В теории нет единой точки зрения относительно определения понятия добровольного отказа от совершения преступления.

К признакам добровольного отказа относятся: добровольность, осознание лицом реальной возможности доведения преступления до конца, окончательность, своевременность.

Анализ добровольного отказа в уголовном праве зарубежных стран показал, что, давая определение добровольному отказу, законодательство зарубежных стран не отражает его четкого понятия. Тем не менее, как совершенно справедливо указывают некоторые ученые: «В данной ситуации не должно возникать иллюзий об отсталости зарубежной уголовно-правовой науки либо о несовершенстве законодательства. Такое положение объясняется правовыми традициями и особенностями юридической техники. Зарубежные правоведы считают, что определение понятий – преимущественно задача юридической

[1] Козлов, А.П. Указ соч. – С. 320.

науки, тем более, что дефиниций может быть множество. Кроме того, некоторые понятия вообще невозможно четко определить, а обойтись без них законодатель не может. Безусловно данный подход имеет недостатки. Заранее не уточненные в уголовном законе понятия переносят научные дискуссии в зал суда, а отсюда возникает необходимость в судебном толковании. Американские юристы, говоря о проблемах токования уголовного законодательства, шутят, что заранее никогда не известно, будет ли человек осужден за данное преступление к смертной казни или суд вообще не сочтет его деяние преступным»[1].

[1] Малиновский А.А. Уголовное право зарубежных государств. – М.: Новый Юрист, 1998. – С. 3.

2. ОСОБЕННОСТИ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА В НЕОКОНЧЕННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ, ЕГО МЕСТО СРЕДИ ДРУГИХ ИНСТИТУТОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА

2.1. Некоторые аспекты добровольного отказа на отдельных стадиях совершения преступления

В отечественной уголовно-правовой доктрине исследование неоконченной преступной деятельности началось в первой половине XIX века с теоретической разработки О. Горегляда, опубликовавшего в 1815 г. первое определение покушения на преступление. С тех пор неоконченная преступная деятельность получила фундаментальное теоретическое обоснование, но, тем не менее, единства взглядов среди ученых по сей день так и не достигнуто и проблема исследования института неоконченного преступления продолжает оставаться актуальной[1].

На рубеже XX и XXI веков возобновились интенсивные исследования стадий совершения преступления и связанного с ними института добровольного отказа. Однако, многие теоретические и практические вопросы в этой сфере далеки от своего оптимального решения. Поэтому актуальность, практическая и теоретическая значимость монографических работ М.П. Редина, А.И. Ситниковой и С.В. Чернокозинской не вызывает сомнения[2]. Институт неоконченного преступления является одним из важных и сложных вопросов теории уголовного права, законодательства и практики. Положения о незавершенной преступной деятельности являются неотъемлемой составляющей учения об уголовной ответственности и наказуемости преступных деяний.

---

[1] Годунов О.И К вопросу о неоконченном преступлении и уголовно-правовом значении стадий осуществления преступного намерения // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. – 2009. – № 4. – С. 12.

[2] Редин М.П. Преступления по степени их завершенности. – М.: Юрлитинформ, 2006; Ситникова А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление. – М.:Ось-89, 2006; Чернокозинская С.В. Приготовление к преступлению: понятие и основания криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказания. – Тамбов: Першина, 2006.

Проблема неоконченного преступления в отечественной юридической литературе получила определенную разработку в 50–70-е годы прошлого века. Однако затем, в том числе после принятия УК РФ 1996 г., рассматриваемому вопросу в уголовно-правовой теории уделялось явно недостаточное внимание. Одновременно следует сказать о противоречивости мнений ученых относительно сущности неоконченной преступной деятельности, ее признаков и видов. В криминологическом же плане институт неоконченного преступления по существу вообще не исследован. Отметим и тот факт, что действующий уголовный закон мало способствует распознаванию действительной стадии совершения преступления и установлению справедливого наказания за неоконченное преступное деяние.

В современной науке уголовного права значительным достижением теоретической мысли стало формирование нового подхода к приготовлению и покушению как к самостоятельным видам неоконченных преступлений[1]. Однако при этом среди части специалистов сложилось мнение, что стадии преступной деятельности не существуют, т. к. законодатель использует понятие «неоконченное преступление» и именно с ним связывает уголовную ответственность, если преступление не доводится до конца по обстоятельствам, не зависящим от воли лица[2].

Изложенную точку зрения М.В. Гринь подкрепляет следующими комментариями: «Стадии совершения преступления и неоконченное преступление – это не одно и то же. Это разные уголовно-правовые категории. Стадии нельзя признать фундаментом, на котором покоится анализируемое уголовно-правовое явление, поскольку не все реальные преступные

---

[1] Уголовный закон и преступление / под ред. Э.С. Тенчова. – Иваново: Изд-во Иван. ун-та, 1997. – С. 5; Колодкин Л.М. Развитие законодательства об ответственности за неоконченное преступление // Проблемы реформы уголовного законодательства РФ. – М.: Акад. МВД РФ, 1992. – С. 52; Назаренко Г.В. Русское уголовное право: общая часть: курс лекций. – М.: Ось-89, 2000. – С. 116; Редин М.П. Осуществление преступного намерения и неоконченного преступления // Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 160.

[2] Гринь М.В. Неоконченное преступление: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2003. – С. 11; Назаренко Г.В. Неоконченное преступление и его виды. – М.: Ось-89, 2003. – С. 84.

посягательства развиваются по схеме: приготовление, покушение, оконченное преступление. Стадии, в которых реализуются преступления, не вызывают значимых юридических последствий. Не связан со стадиями и момент окончания преступления в различных составах преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ. Он зависит от типа конструкции состава преступления (материальный, формальный, усеченный и т. д.). Вопрос о четком разграничении и различении понятий «стадии совершения преступления» и «виды неоконченного преступления» носит обязательный характер. С принятием УК РФ 1996 г. стадии совершения преступления законом не регламентируются».

Таким образом, развитие концепции неоконченных преступлений как внестадийных деликтов оказалось сопряженным с неоправданным, по нашему мнению, игнорированием значимости сложившейся и развивающейся системы взглядов о стадиях совершения преступления. На определенную несогласованность между этими институтами уже обратили внимание некоторые современные специалисты. М.П. Редин высказал предложение в качестве «стадий осуществления преступного намерения» выделять «стадию приготовления к преступлению» и «стадию совершения преступления».

Наличие стадий осуществления преступного намерения не отрицают и некоторые явные противники рассматриваемой концепции, и специалисты, неоднократно предпринимавшие попытки скорректировать свой подход к решению данной проблемы с учетом достижений современной теоретической мысли и позиции законодателя.

Н.Ф. Кузнецова, с нашей точки зрения, обоснованно отмечает: «Уголовно-правовое значение имеют стадии лишь умышленного преступления». Далее автор обращает внимание на следующее: «Стадии совершения умышленного преступления имеют значение для квалификации содеянного с точки зрения того, окончено либо не окончено преступление, а если не окончено, то на какой стадии

было прервано – приготовительных действий либо исполнения объективной стороны состава»[1].

Как нам представляется, стадии совершения преступления – это процесс непрерываемый, из чего следует, что в законе было бы нецелесообразным закрепление действий, которые еще продолжают совершаться. Однако для уголовно-правовой теории значение стадий неоценимо и должно являться предметом изучения, поскольку стадии совершения преступления позволяют провести четкие границы между оконченным и неоконченным преступлением, приготовлением к преступлению и покушением на преступление как видами неоконченного преступления, неоконченным и оконченным покушением на преступлениет и, наконец, между оконченным преступлением и добровольным отказом от преступления.

В связи с этим, верным является замечание М.П. Редина, отмечающего, что «стадии осуществления преступного намерения являются фоном, на котором в реальной действительности образуются имеющие различное юридическое значение последствия»[2].

Преступление как свершившийся факт не возникает из небытия, ему всегда предшествует скрытый ненаблюдаемый процесс, который впоследствии проявляет себя вовне. Появление и созревание преступного умысла, обдумывание путей и способов его реализации есть внутренний процесс, протекающий в психике лица, и его нельзя распознать до тех пор, пока он не обнаружит себя. Формирование и обнаружение умысла является началом преступной деятельности; лишь после того, как лицо замыслит совершение преступления, оно от действий мысленных переходит к действиям фактическим. Так в теории уголовного права существует точка зрения, согласно которой обнаружение умысла на совершение преступления следует отнести к стадиям совершения

[1] Курс уголовного права: общая часть : учеб. для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: Зерцало-М, 2002. – С. 364.
[2] Редин М.П. Стадии осуществления преступного намерения и их уголовно-правовое значение // Следователь. – 2003. – № 7. – С. 18.

преступления[1]. Ни в коей мере не приуменьшая значения своевременного обнаружения умысла для предупреждения и пресечения преступных посягательств, позволим себе все же не согласиться с отнесением такового к самостоятельной стадии совершения преступления. Во-первых, замысел, хотя и обнаруживший себя, но так и не воплотившийся в совершении конкретного преступного деяния, представляет собой лишь психический процесс и преступлением не является. Во-вторых, сама формулировка «стадии совершения преступления» предполагает осуществление деяния вовне, т. е. внешний процесс преступной деятельности. Тем не менее, слишком категоричной нам представляется позиция Н.Ф. Кузнецовой, предлагающей исключить всякое упоминание об обнаружении умысла в уголовном праве[2].

Относительно же самой возможности добровольного отказа при обнаружении умысла в уголовно-правовой теории некоторыми авторами высказано мнение о невозможности добровольного отказа при обнаружении умысла. С нашей точки зрения, сама возможность добровольного отказа при обнаружении умысла неоспорима, другое дело, какое уголовно-правовое значение имеет установление данной возможности. Как представляется автору, добровольный отказ в подобной ситуации все же может иметь некоторое криминологическое значение. По этому вопросу мы разделяем мнение отдельных авторов, отмечающих значение добровольного отказа при обнаружении умысла для учета личности при назначении наказания виновному в совершении другого преступления, а также для более точного установления причин совершения преступления и уровня давления на виновного социальных условий. Наше безразличное отношение к квалификации добровольного отказа в такой ситуации не умаляет его правового значения[3].

---

[1] Бородин С.В. Квалификация убийства по действующему законодательству. – М.: Юрид. лит., 1966. – С. 185.

[2] Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. – М.: Изд. МГУ, 1958. – С. 37.

[3] Козлов А.П. Неоконченное преступление : учеб. пособие. – Красноярск, 1999. – С. 166.

В теории уголовного права традиционным подходом к вопросу о том, когда же возможен добровольный отказ от преступления, является подход, согласно которому добровольный отказ возможен при приготовлении и покушении. К сожалению, подобная противоречивая и некорректная формулировка очень длительное время мирно существовала в науке уголовного права и по сей день встречаются авторы, считающие допустимым употребление формулировок «добровольный отказ при приготовлении и покушении»[1] (имея в виду виды неоконченного преступления). Однако эта проблема была поднята в научной литературе в середине XX в.

Так, в 1955 г. Н.Ф. Кузнецова справедливо заметила, что авторы учебников допускают серьезную ошибку, говоря о добровольном отказе «при покушении» и «от покушения», так как «понятия покушения и добровольного отказа от преступления – это взаимоисключающие друг друга понятия»[2]. В своей работе 1958 г. Н.Ф. Кузнецова продолжает обоснованную критику фразы «добровольный отказ от приготовления или покушения», указывая на различные причины прекращения преступной деятельности, и занимает, на наш взгляд, единственно верную позицию, предполагающую отличать виды неоконченного преступления и стадии развития преступной деятельности». Думается, что четкое различение понятий «стадии совершения преступления» и «виды неоконченного преступления» позволит прекратить споры о допустимости или недопустимости употребления фраз «добровольный отказ при приготовлении» или «добровольный отказ от оконченного или неоконченного покушения». Хотя в свое время точка зрения Н.Ф. Кузнецовой не была широко поддержана и воспринята, указанные взгляды получили свое развитие в работах и других авторов, указывающих на то, что употребление термина «добровольный отказ» вкупе с терминами

[1] Уголовное право. Часть общая. Часть особенная: учебник / под ред. Л.Д. Гаухмана. – М.: Юриспруденция, 1999. – С. 146–147.

[2] Кузнецова Н.Ф. Добровольный отказ от преступления в советском уголовном праве // Вестник Московского университета. – 1955. – № 1. – С. 96–97.

«приготовление» и «покушение» противоречит законодательному пониманию последних[1].

Несмотря на уже имеющиеся в научной литературе справедливые замечания, в УК РФ 1996 г. обозначенное противоречие не устранено и ч. 1 ст. 31 УК РФ гласит: «Добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению …». На наш взгляд, такое противоречие должно подлежать устранению из текста уголовного закона, поскольку добровольный отказ в неоконченном преступлении невозможен, и приготовление и покушение являются видами неоконченного преступления. При некотором имеющемся сходстве между добровольном отказом и неоконченным преступлением, все же эти два института уголовного права взаимоисключают друг друга. Общим для них является то, что и в том и в другом случае преступление не доводится до конца.

Однако в случае добровольного отказа преступление прекращается исключительно по собственной воле лица[2].

Так, Киселев и Асташкин, имея умысел на тайное хищение чужого имущества, вступили между собой в предварительный сговор. После этого, реализуя свой преступный умысел, Киселев и Асташкин проследовали к жилому дому. Находясь около вышеуказанного дома, Асташкин и Киселев, убедившись, что за их преступными действиями никто не наблюдает, незаконно проникли внутрь данной квартиры. Оказавшись незаконно в квартире, Киселев и Асташкин были вынуждены вылезти обратно на улицу, поскольку К. не спала и могла заметить их преступные действия. После чего, продолжая реализовывать свой преступный умысел, направленный на завладение имуществом потерпевшей К. Асташкин и Киселев незаконно проникли в жилище К. Находясь в одной из комнат, через стеклянные вставки в двери комнаты, увидели, что потерпевшая К. услышав подозрительные звуки, вышла в коридор квартиры и прошла к комнате, где они находились. Осознавая, что К. может увидеть их и узнать, Асташкин, имея умысел

[1] Сафронов А.Д. Добровольный отказ от совершения преступления и деятельное раскаяние преступника: автореф. дисс. … канд. юр. наук. – М., 1977. – С. 6.

[2] Дело № 1-543/2014 … из архива Златоустовского городского суда Челябинской области за 2014 г.

на нападение в целях хищения чужого имущества, с применением предметов, используемых в качестве оружия, выйдя за рамки предварительной договоренности с Киселевым, и не согласовывая с ним своих действий, вооружившись табуреткой, которую взял в комнате, используя ее в качестве оружия, напал на К. нанеся указанной табуреткой не менее пяти ударов по жизненно важному органу – голове потерпевшей К. применяя тем самым насилие опасное для ее жизни и здоровья, отчего табурет сломался, а К. начав кричать, упала на пол. Асташкин, продолжая реализовывать свой преступный умысел, оставшейся у него в руках ножкой от табурета, пресекая попытки К. к сопротивлению, стал наносить множественные удары по телу К., причиняя последней физическую боль, и прекратил избиение, когда К. потеряла сознание. В результате нападения, своими умышленными действиями Асташкин причинил К. согласно заключению эксперта телесные повреждения в виде закрытой черепно-мозговой травмы. Сотрясение головного мозга, рану левой теменной области. Повреждения в виде раны головы и закрытая черепно-мозговая травма, выразившаяся в сотрясении головного мозга, как в совокупности, так и в отдельности по признаку кратковременного расстройства здоровья продолжительностью более шести дней, но не свыше трех недель, причинили легкий вред здоровью К.

В свою очередь, Киселев неосведомленный о возможности применения Асташкиным в отношении потерпевшей насилия, опасного для ее жизни и здоровья, при помощи предмета, используемого в качестве оружия, в момент нападения Асташкина на К. добровольно отказался от совершения тайного хищения чужого имущества, и через окно квартиры вылез на улицу, и с места происшествия скрылся.

Асташкин, действуя далее, убедившись, что сопротивление потерпевшей К. сломлено, и она находится без сознания, продолжая реализовывать преступный умысел, направленный на завладение денежными средствами К., беспрепятственно прошел в одну из комнат квартиры, где из левого кармана

пальто К. висевшего в шифоньере, похитил принадлежащие ей денежные средства в сумме 6 500,00 рублей. После чего, с места преступления скрылся, распорядившись похищенными деньгами по своему усмотрению.

Органами предварительного следствия действия Киселева и Асташкина были квалифицированы по ст. 162 ч. 3 УК РФ, как разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, группой лиц по предварительному сговору, с применением предметов, используемых в качестве оружия, с незаконным проникновением в жилище.

В ходе судебного разбирательства государственный обвинитель пришел к выводу об отсутствии в действиях подсудимого Киселева состава преступления, предусмотренного ст. 162 ч. 3 УК РФ, в связи с чем в прениях изменил обвинение в сторону смягчения, просил действия подсудимого Киселева переквалифицировать на ст. 139 ч. 1 УК РФ.

В связи с этим, из объема обвинения Асташкина государственный обвинитель исключил квалифицирующий признак разбоя – «группой лиц по предварительному сговору».

Исследовав представленные доказательства, суд согласился с позицией государственного обвинителя относительно объема предложенного Киселеву и Асташкину обвинения, а также мотивацией переквалификации действий подсудимых[1].

В случае же приготовления и покушения преступление прекращается в силу причин, не зависящих от воли лица (преступление пресекается правоохранительными органами либо гражданами; преступнику не удается преодолеть сопротивление потерпевшего; обнаружение непригодности средств или орудий для совершения преступления и др.)[2].

---

[1] Дело № 1-500/2014 … из архива Комсомольского районного суда г. Тольятти за 2014 г.

[2] Дело № 22-1443/2011 … из архива Воронежского областного суда за 2011 г.; Дело № 22-0078/2015 … из архива Ивановского областного суда за 2015 г.; Дело № 22-1883/2014 … из архива Верховного суда Республики Мордовия за 2014 г.

Поэтому тем более абсурдным звучит определение добровольного отказа через понятие «приготовление», так как отсутствие преступного результата именно по независящим от лица обстоятельствам является обязательным признаком как приготовления, так и покушения, что законодательно зафиксировано в ч. 1 и 3 ст. 30 УК РФ.

К тому же приготовление, в ходе которого лицо создает условия для совершения преступления и покушение, когда предпринимаются действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение общественно опасного деяния, являются самостоятельными разновидностями умышленной преступной деятельности. УК РФ предусматривает привлечение к уголовной ответственности за приготовление и покушение наряду с оконченным преступлением. В то время как добровольный отказ является основанием исключения уголовной ответственности. Так, М.В. Гринь полагает, что «из самого названия добровольного отказа от совершения преступления вытекает, что лицо отказывается от совершения преступления, это означает, что в действиях лица отсутствуют признаки состава как оконченного, так и неоконченного преступления, лицо еще не совершает преступления»[1].

Все вышеизложенное позволяет нам прийти к выводу о том, что вести речь о возможности добровольного отказа следует лишь относительно определенной стадии совершения преступления. По нашему убеждению, таковыми являются: стадия подготовки к преступлению и стадия осуществления преступного замысла.

2.2 Соотношение добровольного отказа и деятельного раскаяния

Важное значение в обеспечении нормальной жизнедеятельности общества, охране прав и законных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств имеет уголовно-правовое воздействие – рациональное, обоснованное и эффективное применение всего комплекса уголовно-правовых

[1] Гринь М.В. Неоконченное преступление: автореф. дисс. … канд. юр. наук. – М., 2003. – С. 21.

средств и возможностей, имеющихся в распоряжении уголовного права в качестве реакции государства на нарушение установленных им уголовно-правовых предписаний. При этом наиболее рациональный подход к проблеме противодействия преступности предполагает признание, что указанная реакция государства должна быть, с одной стороны, неотвратимой и целесообразной, а с другой – достаточно гибкой, чтобы неотвратимость уголовно-правового воздействия и его институциональная целесообразность не приводили к избыточности уголовной репрессии, необоснованному ограничению прав и законных интересов граждан.

Уголовно-правовое воздействие занимает, безусловно, важное место в противодействии преступности, однако история борьбы с преступностью свидетельствует, что перебороть преступность, как социальное явление одними лишь средствами уголовного принуждения невозможно. Как одно из наиболее важных средств борьбы с ней, наказание необходимо для защиты интересов государства, общества и его отдельных членов, социальное значение которого состоит в том, что оно является специфичным и довольно строгим регулятором поведения лиц, переступивших допустимую грань закона.

Наказание не является главным средством борьбы с преступностью. В данной борьбе основное значение приобретают экономические, политические, организационно-управленческие меры, осуществляемые государством. Однако, не будучи основным, наказание является не только важным, но и необходимым средством борьбы с преступностью, а из уголовно-правовых – наиболее важным. Поскольку именно наказание прерывает преступную деятельность лиц, совершивших преступление. Оно также воздействует на определенную часть неустойчивых в нравственном отношении людей, заставляя их под страхом наказания не совершать уголовно наказуемых деяний[1].

Роль мер уголовно-правового воздействия, и в особенности наказания, как формы реализации уголовной ответственности, как средства уголовно-правового

[1] Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. – М.: БЕК, 1996. – С. 367.

воздействия на виновного в совершении преступления и как средства уголовно-правовой борьбы с преступлениями, нельзя недооценивать, но в то же время не следует и переоценивать, видя в них залог успеха в борьбе с таким негативным социальным явлением как преступность, так как многовековой опыт широкого применения репрессии в разных ее проявлениях в достаточной степени доказал их недостаточную эффективность.

Позитивное воздействие уголовного наказания возможно только тогда, когда у него вообще нет негативных последствий, но наказание, особенно в виде лишения свободы объективно имеет вредные последствия, они неизбежны, поскольку неизбежен карательный элемент в этом виде наказания.

Теоретически не должно существовать карательных средств, но в современных условиях практически обойтись без них не возможно, необходимо адекватное и своевременное реагирование на каждое преступное посягательство и наступательность, что предполагает опережение действий преступников, последовательную реализацию превентивного подхода к делу противодействия преступности.

В то же время, наступательность в борьбе с преступностью несовместима с чрезвычайными мерами. Недопустимы как обвинительный уклон и расчет только на строгость уголовной репрессии, так и неоправданный либерализм, фактически ведущий к безнаказанности правонарушителей.

Изменение стратегии и политики государства в деле борьбы с преступностью полностью оправдан с учетом обострения тех или иных криминальных угроз, требующих надлежащего реагирования со стороны государства, призванного надежно защищать общество в целом, и своих граждан, а также обеспечивать надежные гарантии защиты их прав и свобод.

Существование уголовно-правовых институтов как добровольного отказа от преступления, так и деятельного раскаяния, является ярким доказательством того, что уголовное право, устанавливая, с одной стороны, довольно суровые виды наказания, с другой стороны, дает возможность, используя положения указанных

институтов, предотвратить совершение преступлений и обеспечить защиту прав, свобод и законных интересов как всего общества, так и отдельных его членов[1].

Прежде чем перейти к вопросу разграничения таких институтов как добровольный отказ и деятельное раскаяние мы рассмотрим институт деятельного раскаяния.

Несмотря на то, что деятельное раскаяние давно известно уголовному праву, его единое определение не выработано до сих пор.

В русском языке слово деятельный понимается как «живой и энергичный, активно действующий». «Раскаяться» – это значит признаться в совершенной ошибке, в неправильном поступке, испытать сожаление по поводу совершенного поступка[2]. Раскаиваться, по словарю В.И. Даля, означает «каяться, сожалеть о поступке своем, сознавать, что сделано не то, убиваться совестью, казниться за прошлое»[3].

По нашему мнению, деятельное раскаяние – активное, осознанное, добровольное поведение лица, совершившего преступление, которое выражается в объективных действиях, направленных на смягчение негативных последствий содеянного, оказании помощи в расследовании и раскрытии преступлений.

В литературе существует множество определений деятельного раскаяния, но в своей основе они содержат указание на активные добровольные поступки, которые влекут предотвращение, устранение или уменьшение вредных последствий содеянного, оказание помощи в раскрытии преступлений[4].

Подтверждением этого является, в частности, мнение о деятельном раскаянии как об активных добровольных действиях, посредством которых лицо, совершившее преступление или прервавшее доведение его до конца, руководствуясь любыми внутренними побуждениями, предотвращает, устраняет

---

[1] Тадевосян Л.З. Социальное значение уголовно-правового института деятельного раскаяния // Вектор науки ТГУ. – 2010. – № 3. – С. 196.
[2] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: ИТИ Технологии, 1999. – С. 159, 604.
[3] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4. – М.: Цитадель, 1991. – С. 59.
[4] Никулин С.И. Деятельное раскаяние и его значение для органов внутренних дел. – М.: МВШ МВД СССР, 1985. – С. 23.

или уменьшает тяжесть вредных последствий содеянного либо оказывает помощь правоохранительным органам в раскрытии и расследовании этого и других преступлений, что влечет за собой в случаях, предусмотренных законом, освобождение от уголовной ответственности или смягчение наказания[1].

В другой позиции также подчеркивается добровольный, активный характер действий, лежащих в основе деятельного раскаяния, когда оно рассматривается как общественно полезное, позитивное постпреступное поведение, вызываемое экономическими, социальными, психологическими и нравственными побуждениями, желанием искупить вину, выражается в полном признании вины и раскаянии, которое объективно подтверждается явкой с повинной или другими общественно полезными поступками, способствованием раскрытию преступления, заглаживанием причиненного вреда, а также иными, свидетельствующими о раскаянии лица, деяниями[2].

По мнению Е.Л. Забарчука, под деятельным раскаянием необходимо понимать предусмотренные уголовным законом общественно полезные, активные, добровольные действия лица, совершившего преступление, выразившиеся в конкретных формах, сочетание которых дает вывод об утрате лицом общественной опасности либо ее снижении[3].

Э.Р. Дадакаев под деятельным раскаянием понимает позитивное постпреступное поведение лица, совершившего преступление, при котором оно осознает недопустимость им содеянного, понимает степень своей ответственности в этом, полностью признает свою вину, добровольно и активно действует, явкой с повинной и другими общественно полезными поступками способствует раскрытию преступления, возмещению нанесенного ущерба или иным образом

---

[1] Ендольцева А.В. Институт деятельного раскаяния в уголовном праве: автореферат дис. … канд. юрид. наук. – М., 2000. – С. 7.
[2] Щерба С.П. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении. – М.: Спарк, 1997. – С. 11, 14.
[3] Забарчук Е.Л. Деятельное раскаяние в уголовном праве: вопросы теории и практики: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 8.

заглаживанию причиненного преступлением вреда либо совершает другие поступки, свидетельствующие о его раскаянии[1].

Деятельное раскаяние, пишет С.Н. Шатилович, есть добровольное положительное поведение виновного лица, искренне сожалеющего о совершенном преступлении и направленное на способствование правоохранительным органам в выявлении и раскрытии как собственных, так и связанных с ними иных общественно опасных деяний, в том числе деяний соучастников, а также такое же поведение, направленное на предотвращение, устранение или снижение общественно опасных последствий[2].

Другими формулировками раскрывается все та же суть деятельного раскаяния как постпреступного поведения, которое характеризуется:

1) полным признанием вины;

2) искренностью;

3) добровольностью раскаяния;

4) стремлением загладить причиненный вред;

5) самоосуждением своего поступка;

6) осознанием общественной опасности совершенного преступления;

7) решимостью искупить свою вину исправлением и перевоспитанием[3].

Деятельному раскаянию присущи:

1) единый период времени, в течение которого возможно совершение действий, являющихся деятельным раскаянием (с момента окончания преступления или прерывания его против воли виновного и до момента вынесения приговора);

2) их нормативность (прямое указание этих действий в законе);

3) общественная полезность совершаемых действий;

---

[1] Дадакаев Э.Р. Институт деятельного раскаяния и его реализация при освобождении от уголовной ответственности: дисс. … канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 9.

[2] Шатилович С.Н. Деятельное раскаяние и наказуемость преступлений: дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002. – С. 8.

[3] Аликперов Х.Д. Виды норм уголовного законодательства, допускающие компромисс в борьбе с преступностью. – Баку: Элм, 1992. – С. 28.

4) активность;

5) добровольность совершаемых позитивных постпреступных действий (возможность выбора лицом варианта дальнейшего поведения после совершения преступления)[1].

Кроме того в рамках настоящего параграфа считаем привести примеры деятельного раскаяния.

05 июня 2011 г. около 04 часа 50 минут наряд ОБО при УВД по Озерскому городскому округу Челябинской области в составе командира отделения роты милиции ОВО прапорщика милиции Ершова, старшего группы задержания роты милиции ОВО прапорщика милиции и милиционера роты ОВО сержанта милиции в ходе несения службы по охране общественного порядка по указанию дежурной части УВД по Озерскому городскому округу Челябинской области прибыл к общежитию по сообщению ФИО15, проживающей в указанном общежитии, о нарушении тишины и покоя в ночное время суток.

Возле общежития нарядом ОВО при УВД по Озерскому городскому округу Челябинской области выявлены ФИО16 и Кочетова, находившиеся в состоянии алкогольного опьянения, употреблявшие спиртные напитки, которые громко разговаривали и смеялись, тем самым, нарушая общественный порядок, а именно тишину и покой граждан в ночное время суток, за что ст. 13 Закона Челябинской области № 584 30 от 27 мая 2010 г. предусмотрена административная ответственность.

Сотрудники полиции потребовали от ФИО16 и Кочетовой прекратить противоправное поведение. Однако, Кочетова, действуя умышленно, осознавая, что Ершов является сотрудником полиции, находится в форменной одежде и при исполнении своих должностных обязанностей, действуя умышленно, с целью применения насилия в отношении представителя власти, нанесла удар кулаком руки по лицу командиру отделения роты милиции ОВО при УВД по Озерскому

[1] Ендольцева А.В. Институт деятельного раскаяния в уголовном праве: автореферат дис. … канд. юрид. наук. – М., 2000. – С. 12, 13; Петрикова С.В. Понятие деятельного раскаяния в уголовном праве РФ // Социально-политические науки. – 2012. – № 3. – С. 85.

городскому округу Челябинской области прапорщику милиции Ершову С.Ю. в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, причинив ему физическую боль, причинив Ершову, кровоподтек окружности левого глаза, который согласно заключению эксперта от 29 июня 2011 г. относится к телесным повреждениям, не повлекшим за собой вред здоровью.

Прапорщик милиции Ершов, взяв за руки Кочетову, стал ее удерживать, с целью пресечения ее противоправных действий. При этом Кочетова, оказывая активное сопротивление законным действиям сотрудника полиции, попыталась нанести удары коленями в область паха и ног прапорщика милиции Ершова, тем самым, создавая угрозу применения насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей.

В судебном заседании защитник подсудимой – адвокат Ермилов заявил ходатайство о прекращении, уголовного дела в отношении Кочетовой за деятельным раскаяния, поскольку инкриминируемое ей преступление относится к категории средней тяжести, она вину в совершенном преступлении признала в полном объеме, раскаялась в содеянном, принесла потерпевшему свои извинения и вследствие деятельного раскаяния, перестала быть общественно опасной.

Суд постановил уголовное дело в отношении Кочетовой прекратить в связи с деятельным раскаянием[1].

Другой пример: ФИО1, на основании Приказа о приеме работника на работу, будучи назначенной на должность мастера леса в соответствии с Постановлением «Об установлении перечня должностных лиц, осуществляющих государственный лесной контроль и надзор» и в соответствии с перечнем должностных лиц имеющих право составлять протоколы об административных правонарушениях в области использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, утвержденного распоряжением Главного управления лесами «Об установлении перечня лиц, имеющих право составлять протоколы об административных правонарушениях» с учетом Постановления «О внесении изменений в постановление, наделена

[1] Дело № 1-287/2011 … из архива Озерского городского суда Челябинской области за 2011 г.

полномочиями составлять протоколы об административных правонарушениях. В соответствии с должностной инструкцией утвержденной руководителем, мастер леса ФИО1 обладала полномочиями по пресечению и предупреждению нарушений лесного законодательства в установленном порядке в пределах полномочий, установленных Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации, составлять протоколы об административных правонарушениях и была обязана исполнять представленные в соответствии с Законодательством Российской Федерации полномочия по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений лесного законодательствах. В своей деятельности мастер леса ФИО1 руководствуется Конституцией РФ, Кодексом об административных правонарушениях РФ, а также законодательством Российской Федерации и нормативно-правовыми актами в области лесного хозяйства. Таким образом, ФИО1, являлась должностным лицом, по специальному полномочию осуществляющим функции представителя власти. Выполняя возложенные на нее государством функции, мастер леса ФИО1, действуя умышленно, из иной личной заинтересованности, внесла в официальный документ – протокол < об административном правонарушении составленный в отношении ФИО2, заведомо ложные сведения.

В соответствии с должностной инструкцией мастер леса ФИО1 обязана бороться с нарушителями лесного законодательства и принимать к ним меры, путем составления на них протоколов об административных правонарушениях. У ФИО1 из личной заинтересованности, выразившейся в том, что последняя хотела иметь хорошие показатели в работе, возник преступный умысел, направленный на совершение служебного подлога, а именно при выявлении фактов нарушения лесного законодательства гражданами, ФИО1 составляла протоколы об административных правонарушениях в отсутствии нарушителей и подделывала в них подписи и записи лиц, на которых составлялись протоколы. При этом ФИО1 осознавала, что в результате составления ею подложных протоколов об административных правонарушениях будут существенно нарушены права и

законные интересы граждан, в отношении которых составлены подложные протоколы, а именно в виде незаконного привлечения последних к административной ответственности и наложения административного наказания, будут нарушены принципы презумпции невиновности, обеспечения законности при применении мер административного принуждения, предусмотренные ст.ст. 1.5, 1.6 КоАП РФ, будет подорван авторитет государства и Главного управления лесами.

В связи с этим ФИО1 осознавала преступный характер своих действий, предвидела возможность и неизбежность наступления общественно-опасных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан, охраняемых законом интересов государства, и желала их наступления.

Так, ФИО1, находясь на своем рабочем месте, в рабочем кабинете, реализуя свой преступный умысел, направленный на совершение служебного подлога, исходя из личной карьерной заинтересованности, выразившейся в стремлении искусственно создать видимость своевременного и в полной мере исполнения ею должностных обязанностей по выявлению правонарушений, решила составить протокол об административном правонарушении в отношении ранее ей знакомого гр. ФИО2, паспортные данные которого, необходимые для составления протокола имелись у ФИО1. После чего, она, находясь в помещении лесничества, в отсутствии ФИО2, действуя умышленно, исходя из личной карьерной заинтересованности, выразившейся в стремлении искусственно создать видимость в полной мере исполнения ею должностных обязанностей по выявлению правонарушений, внесла в официальный документ, устанавливающий юридический факт совершения административного правонарушения – протокол об административном правонарушении в отношении гр. ФИО2, сведения о совершении им административного правонарушения в виде загрязнения лесов бытовыми отходами, являющегося нарушением ст. 39-е «Правил санитарной безопасности в лесах» административная ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 8.31 КоАП РФ «Нарушение правил санитарной

безопасности в лесах», с помощью неустановленного следствием лица, подделала записи ФИО2 и подписи ФИО2 в указанном документе, внеся тем самым заведомо ложные сведения в официальный документ, совершив таким образом служебный подлог. После чего составленный мастером леса ФИО1 в отношении ФИО2 протокол об административном правонарушении в тот же день был направлен заместителю старшего Государственного лесного инспектора в лесах и лесопарках ФИО6, который, будучи наделенным на основании п. 4 ч. 2 ст. 23.24 КоАП РФ правом рассматривать дела об административных правонарушениях от имени органов, уполномоченных в области использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, не сомневаясь в достоверности составленного мастером леса ФИО1 протокола об административном наказании, указанный протокол рассмотрел и наложил на ФИО2 административное наказание в виде штрафа в размере 500,00 рублей, тем самым привлек последнего к административной ответственности. Мастер леса ФИО1 желая сокрыть совершенное ею преступление – служебный подлог, лично произвела в Сбербанке РФ оплату штрафа в размере 500,00 рублей, который был назначен в виде административного наказания ФИО2.

В результате преступных действий ФИО1, внесение ложных сведений в документ – протокол об административном правонарушении, который является источником возникновения правоотношений, были существенно нарушены права и законные интересы гражданина, выразившиеся в незаконном привлечении ФИО2 к административной ответственности в виде штрафа, а также существенно нарушены охраняемые законом интересы государства, в виде подрыва авторитета Главного управления лесами, нарушения принципов презумпции невиновности, обеспечения законности при применении мер административного принуждения, предусмотренных ст.ст. 1.5, 1.6 КоАП РФ. Совершение ФИО1 служебного подлога, повлекло существенное нарушение прав гр. ФИО2, предусмотренных статьями 17,18,45 Конституции Российской Федерации, а также законных интересов граждан Российской Федерации, так как воспрепятствовало

исполнению задач законодательства об административных правонарушениях РФ, изложенных в ст. 1.2 КоАП РФ, в соответствии с которой, задачами законодательства об административных правонарушениях являются защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, охрана здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защита общественной нравственности, охрана окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений, так как в результате умышленных преступных действий ФИО1, к административной ответственности было привлечено не виновное в совершении проступка лицо и цели Законодательства Российской Федерации в сфере предупреждения, пресечения административных правонарушений достигнуты не были.

В связи с этим ФИО1 осознавала преступный характер своих действий, предвидела возможность и неизбежность наступления общественно-опасных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов

Действия подсудимой ФИО1 органами предварительного следствия квалифицированы по ч.2 ст. 292 УК РФ – служебный подлог, то есть внесение должностным лицом в официальные документы заведомо ложных сведений, если эти деяния совершены из иной личной заинтересованности, повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан и охраняемых законом интересов государства.

В судебном заседании защитник подсудимой адвокат Соболева заявила ходатайство о прекращении дела в отношении подсудимой на основании ст. 75 УК РФ за деятельным раскаянием. В обосновании защитник пояснила, что ФИО1 ранее не судима, впервые совершила преступления, относящиеся к категории средней тяжести, вину по инкриминируемым деяниям признала, ее

действия существенного вреда или ущерба никому не причинили, по месту жительства и работы характеризуется положительно.

Суд постановил прекратить производство по делу в отношении ФИО1 в связи с деятельным раскаянием[1].

Отметим, что на практике подобные примеры встречаются достаточно часто[2].

Проанализировав понятия и признаки добровольного отказа и деятельного раскаяния мы пришли к следующим выводам.

Лицо, добровольно и окончательно отказавшееся от доведения преступления до конца, не подлежит уголовной ответственности. В действиях лица, отказавшегося от продолжения преступной деятельности, отсутствует состав преступления[3]. Не только совершенные субъектом действия, но и сам субъект перестают быть общественно опасными, его действия теряют характер приготовления и покушения. Из этого следует, что основанием освобождения от уголовной ответственности в случае добровольного отказа от совершения преступления нужно считать отсутствие в действиях лица состава преступления. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, напротив, предусматривает наличие в действиях лица состава преступления, т. е. виновный может быть освобожден от уголовной ответственности по основанию, предусмотренному ч. 1 ст. 75 УК РФ, если в его действиях есть состав преступления. Но наличие в действиях лица состава преступления при деятельном раскаянии ни в коем случае не является основанием освобождения от уголовной ответственности. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно по основаниям и условиям, закрепленным в

[1] Дело № 1-70/2011 … из архива Ашинского городского суда за 2011 г.

[2] Дело № 1-45 /2014 … из архива Челябинского гарнизонного военного суда за 2014 г.; Дело № 1-60/2014 … из архива Кусинского районного суда Челябинской области за 2014 г.; Дело № 1-711/2014 … из архива Тракторозаводского районного суда Челябинской области за 2014 г.; Дело № 1-263/2014 … из архива Тракторозаводского районного суда Челябинской области за 2014 г.; Дело № 1-108/2014 … из архива Кыштымского городского суда Челябинской области за 2014 г.; Дело № 1-374/2014 … из архива Советского районного суда г. Челябинска за 2014 г.

[3] Аликперов Х.Д. Правовые нормы, допускающие компромисс в борьбе с преступностью // Советское государство и право. – 1992. – № 4. – С. 75.

ч. 1 ст. 75 УК РФ, свидетельствующим об утрате общественной опасности виновного.

Прекращение уголовного дела, по общему правилу, является правом, но не обязанностью следователя, лица, производившего дознание, прокурора или суда. Между тем примечаниям к статьям Особенной части УК РФ (ст. 126, 204–206, 208, 222, 223, 228, 271, 275, 276, 278, 307) предполагают безусловное освобождение лица от уголовной ответственности при выполнении какого-либо определенного действия, предусмотренного соответствующим примечанием. В этом случае решение об освобождении от уголовной ответственности никак не зависит от усмотрения правоохранительных органов. Их обязанность практически сводится лишь к установлению того, выполнило ли лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, все закрепленные в законе применительно к данному случаю условия освобождения от уголовной ответственности[1].

Как отмечает В.А. Елеонский, отличительной особенностью такого рода уголовно-правовых норм является четкая выраженность в них характера одобряемого законом поведения и уголовно-правового поощрения. Они всегда имеют двух адресатов. В отношении первого (лица, совершившего преступления) закон четко устанавливает характер и объем устраняемых или смягчаемых правовых последствий, а также содержит призыв к определенному индивидуальному социально полезному постпреступному поведению. У второго (государства в лице правоохранительных органов) возникает соответствующая обязанность осуществить предусмотренное законом уголовно-правовое поощрение. Таким образом, по заключению указанного автора, у гражданина возникает универсальное субъективное право требовать от государства уголовно-правового поощрения в специально предусмотренных законом случаях[2].

[1] Михайлов В.А. Уголовное дело прекратить // Человек и закон. – 1997. – № 9. – С. 5.
[2] Елеонский В.А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел. – Хабаровск: Изд. Хабар. ВШ МВД СССР, 1981. – С. 10–12.

Эту позицию разделяет В.М. Галкин[1]. Он считает, что призывы к определенному индивидуальному социально полезному постпреступному поведению, содержащееся, в частности, в нормах о деятельном раскаянии, имеют именно нормативное значение, так как поощряемому поведению придается характер юридического факта, обуславливающего возникновение указанных прав и обязанностей и к субъектов поощрительного уголовно-правового отношения; тем самым призыв опирается на юридическую регламентацию поощрения.

В случае, когда адресат призыву последовал, а нормой установлена обязанность государства в лице его правоохранительных органов «ответить» на это поощрением, у адресата возникает субъективное право на поощрение. Неисполнение обязанности поощрить влечет правовые последствия (санкции) в виде оправдательного приговора или определения (постановления) о прекращении уголовного дела, направленного с обвинительным заключением в суд, а также в виде ответственности должностных лиц правоохранительных органов за необоснованное привлечение гражданина к уголовной ответственности.

Так, органами предварительного следствия Котов обвинялся в том, что он, находясь у себя дома, решил из находящегося у него охотничьего одноствольного ружья модели ЗК, серия и номер «3223 И» 16 калибра изготовить самодельным способом обрез одноствольного ружья.

Осуществляя свой преступный умысел, Котов, находясь в сарае своего домовладения, из находящегося у него охотничьего одноствольного гладкоствольного ружья модели ЗК, серия и номер «3223 И» 16 калибра самодельным способом изготовил обрез ружья, отпилив ножовкой по металлу часть ствола, который по заключению эксперта относится к категории огнестрельного оружия и является обрезом одноствольного охотничьего гладкоствольного ружья модели ЗК, серия и номер «3223 И» 16 калибра, изготовленным самодельным способом путем удаления части ствола указанной модели, пригодным для производства выстрелов.

[1] Галкин В.М. Система поощрений в уголовном праве. – М.: Современник, 1990. – С. 93.

Кроме того, Котов под кроватью в летней кухне своего домовладения незаконно хранил изготовленный им самодельным способом обрез охотничьего одноствольного ружья модели ЗК, серия и номер «3223 И» 16 калибра, являющегося по заключению эксперта огнестрельным оружием пригодным для производства выстрелов.

Суд первой инстанции оправдал Котова по ч. 1 ст. 223 УК РФ по эпизоду обвинения в незаконном изготовлении огнестрельного оружия за отсутствием в его действиях состава преступления, по ст. ч. 1 222 УК РФ по эпизоду незаконного хранения огнестрельного оружия за отсутствием в его действиях состава преступления.

Суд кассационной инстанции оставил приговор суда первой инстанции без изменения, указав следующее: «В соответствии с примечаниями к ст. 222 и ст. 223 УК РФ лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в настоящих статьях, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Согласно закону, под добровольной сдачей огнестрельного оружия и боеприпасов, предусмотренной примечаниями к статьям 222 и 223 УК РФ, следует понимать выдачу лицом указанных предметов по своей воле или сообщение органам власти о месте их нахождения при реальной возможности дальнейшего хранения вышеуказанных предметов. При этом закон не связывает выдачу с мотивом поведения лица, а также обстоятельствами, предшествовавшими ей или повлиявшими на принятое решение.

Из материалов дела видно, что Котов в объяснениях признался в том, что в начале февраля 2010 г. незаконно изготовил огнестрельное оружие – обрез, укоротив часть ствола охотничьего ружья путем его отпиливания, который хранил у себя дома.

В ходе осмотра места происшествия в домовладении Котова был изъят обрез охотничьего одноствольного ружья, который выдала мать Котова после последовавшего от сына телефонного звонка о выдаче обреза.

В судебном заседании установлено, что органу дознания до опроса Котова не было известно место хранения обреза, являющегося огнестрельным оружием.

При таких обстоятельствах суд правильно признал, что Котов добровольно выдал огнестрельное оружие, которое незаконно изготовил и хранил.

В кассационном представлении не приведено убедительных доводов, опровергающих указанные выводы суда первой инстанции.

То, что Котов не сам пришел в милицию, а выдал оружие после того, как был вызван в ОВД, не может повлиять на оценку добровольности этих действий, поскольку, как правильно указано в приговоре, следственные действия, направленные на изъятие у Котова обреза, стали возможными только благодаря тому, что Котов сообщил органу дознания о месте хранения обреза.

С учетом этого действия Котова по выдаче обреза, являющегося огнестрельным оружием, нельзя расценить, как вынужденные»[1].

Другой пример: подсудимый Лукин обвинялся в совершении незаконного изготовления огнестрельного оружия, в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 223 УК РФ, а именно в том, что в делянке Праводвинского участкового лесничества Красноборского лесничества, в Красноборском районе Архангельской области, Лукин, находясь в жилом вагончике, не имея соответствующего разрешения, решил незаконно, в нарушение ст. 16 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии», обрезать часть стволов двуствольного охотничьего гладкоствольного ружья, 16 калибра, т. е. у него возник умысел на незаконное изготовление ружья имеющего другие тактико-технические и баллистические характеристики.

Суд первой инстанции оправдал Лукина, указав следующее: «фактические обстоятельства дела и исследованные в судебном заседании доказательства свидетельствуют о том, что Лукин добровольно выдал сотрудникам полиции находившееся у него в сарае ружье, имея при этом реальную возможность его хранить в недоступном для посторонних лиц месте.

[1] Дело в отношении В.В. Котова … из архива Курского областного суда за 2011 г.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, данным в п. 19 названного постановления от 12.03.2002 г. № 5, под добровольной сдачей огнестрельного оружия, его основных частей либо комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, предусмотренной примечаниями к статьям 222 и 223 УК РФ, следует понимать выдачу лицом указанных предметов по своей воле или сообщение органам власти о месте их нахождения при реальной возможности дальнейшего хранения вышеуказанных предметов.

Добровольность сдачи оружия оценивается применительно к конкретным обстоятельствам дела. При этом надлежит иметь в виду, что закон не связывает выдачу с мотивом поведения лица, а также с обстоятельствами, предшествовавшими ей или повлиявшими на принятое решение.

В случае добровольной сдачи указанных предметов лицо освобождается от уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьями 222 и 223 УК РФ, независимо от привлечения его к ответственности за совершение иных преступлений.

Из установленного в судебном заседании видно, что Лукин был заблаговременно предупрежден о приезде к нему сотрудников полиции, в разговоре с сотрудником полиции Б.Е. ответил, что ружье находится у него. Лукин добровольно указал место в сарае, где у него хранилось ружье, и выдал его сотрудников полиции.

Как лицо, добровольно сдавшее оружие, в силу примечания к ст. 223 УК РФ Лукин подлежал освобождению от уголовной ответственности, поскольку в его действиях иного состава преступления установлено не было.

Государственным обвинителем утверждение Лукина о добровольной выдаче им ружья не опровергнуто»[1].

Из сказанного можно сделать вывод, что при добровольном отказе от совершения преступления виновный освобождается от уголовной

[1] Дело № 1-39/2012 … из архива Красноборского районного суда Архангельской области за 2012 г.

ответственности по причине отсутствия общественной опасности, а при освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием виновный освобождается от уголовной ответственности в случае утраты им общественной опасности[1]. Следовательно, основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные ст. 31 УК РФ и ч. 1 ст. 75 УК РФ, не идентичны. Различна и их юридическая природа. Это проявляется и в том, что освобождение от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75 УК РФ является правом, а по ст. 31 УК РФ – обязанностью следственно-судебных органов.

Основания и условия освобождения от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75 УК РФ не тождественны основанию и условиям, предусмотренным ст. 31 УК РФ. В ст. 31 УК РФ законодатель выдвигает требования добровольно и окончательно отказаться от доведения преступления до конца. В ч. 1 ст. 75 УК РФ при наличии таких условий, как совершение преступления впервые и небольшой тяжести, законодатель закрепляет такое основание как позитивная постпреступная деятельность виновного, заглаживающая преступные последствия. Освобождение от уголовной ответственности по ст. 31 УК РФ носит полный, окончательный, безусловный характер, как и по ч. 1 ст. 75 УК РФ, но при этом оно распространяется на все случаи, в которых возможен добровольный отказ, а не ограничивает их круг, как ч. 1 ст. 75 УК РФ.

Добровольный отказ от совершения преступления возможен лишь при приготовлении к совершению преступления и неоконченном покушении на преступление. В литературе отмечается, что в исключительных случаях он может иметь место и на стадии оконченного покушения. Деятельное раскаяние в смысле ч. 1 ст. 75 УК РФ невозможно при приготовлении к совершению преступления, так как в ч. 2 ст. 30 УК РФ закреплено следующее: уголовная ответственность за преступление наступает только за приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению.

---

[1] Аликперов Х.Д. УК РФ и некоторые виды освобождения от уголовной ответственности // Государство и право. – 2000. – № 1. – С. 54.

Согласно ч. 1 ст. 75 УК РФ одним из условий освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием является совершение преступления небольшой тяжести, следовательно, деятельное раскаяние может иметь место при оконченном покушении и при оконченном преступлении, что чаще встречается в практике. Добровольный отказ в этих случаях невозможен.

Нужно также отметить, что деятельное раскаяние не может иметь места при неоконченном покушении, так как если лицо после неоконченного покушения является с повинной (одно из оснований ч. 1 ст. 75 УК РФ), в его действиях следует усматривать добровольный отказ. При этом явке с повинной не придается практического значения, потому что для добровольного отказа достаточно самого факта прекращения виновным преступной деятельности.

Из сказанного следует, что деятельное раскаяние имеет место в том случае, когда время для добровольного отказа уже упущено. Так, добровольный отказ возможен при приготовлении к совершению преступления, неоконченном покушении и в, исключительных случаях, при оконченном покушении, а деятельное раскаяние – при оконченном покушении и оконченном преступлении.

В преступлениях с материальными составами может иметь место, как добровольный отказ, так и деятельное раскаяние. В преступлениях с формальными составами данный вопрос решается неоднозначно. В связи с этим К.А. Панько подразделяет преступления с формальными составами на три группы[1]. В первую группу входят преступления, при совершении которых могут быть все стадии предварительной преступной деятельности в этих случаях возможен и добровольный отказ, и деятельное раскаяние. Вторую группу составляют преступления, которые являются оконченными либо на стадии приготовления к совершению преступления, либо на стадии покушения. В преступлениях, которые считаются оконченными на стадии приготовления к совершению преступления, добровольный отказ возможен до окончания действий, в процессе их совершения. После их окончания может иметь место

[1] Панько К.А. Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности. – М.: Наука, 1998. – С. 30.

деятельное раскаяние. Когда преступление считается оконченным на стадии покушения, добровольный отказ возможен на стадии приготовления к совершению преступления. При этом деятельное раскаяние может иметь место лишь после покушения. Третья группа преступлений – преступления, при совершении которых не может быть ни стадии приготовления, ни стадии покушения, так как уже первый акт совершения действий образует оконченный состав преступления и, следовательно, добровольный отказ не возможен, а возможно деятельное раскаяние.

Кроме того, основное назначение добровольного отказа заключается в предупреждении и пресечении преступлений. Говоря о деятельном раскаянии в данном контексте, следует отметить, что при применении этой нормы «страдает» как общая, так и частная превенция. Если же говорить о пресечении преступлений, то в нашем случае деятельное раскаяние не будет иметь места, так как, на наш взгляд, оно призвано каким-либо образом сгладить негативные преступные последствия.

Мотивы добровольного отказа могут быть любыми. Для моральной оценки личности значимы мотивы, свидетельствующие о начале позитивных изменений в ее сознании, но для освобождения от уголовной ответственности приемлем любой мотив. В этом проявляется сходство добровольного отказа с деятельным раскаянием. При применении ч. 1 ст. 75 УК РФ мотив так же не имеет значение[1].

2.3 Обстоятельства исключающие преступность деяния и специальные виды освобождения от уголовной ответственности

В законодательстве отсутствует определение обстоятельств исключающих преступность деяния.

[1] Гладких А.А. Проблемы разграничения оснований освобождения от уголовной ответственности по статьям 31 и 75 УК РФ // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2002. – № 3. – С. 78.

С.Г. Келина формулирует понятие рассматриваемых обстоятельств следующим образом: «обстоятельствами, исключающими преступность деяния, являются такие обстоятельства, при которых действия лица, хотя и причиняют вред интересам личности, общества или государства, но совершаются с общественно полезной целью и не являются преступными в силу отсутствия общественной опасности, противоправности или вины»[1].

В.А. Блинников определил обстоятельство, исключающее преступность деяния как наличие реального внешнего фактора, воздействие которого на лицо исключает противоправность причинения последним вреда интересам, охраняемым Уголовным законом, при соблюдении критериев допустимости[2].

Более аргументированным представляется понятие данное Р.Р. Галиакбаровым. Он определяет эти обстоятельства, как сознательные и волевые действия лица, сопряженные с причинением какого-либо вреда другим интересам, но в силу отсутствия общественной опасности и их полезности признаваемые Уголовным законом правомерными[3].

Наиболее полное и развернутое определение сформулировано Ю.В. Баулиным. По его мнению, обстоятельство, исключающее общественную опасность и противоправность деяния, – это предусмотренный различными отраслями законодательства и внешне сходный с преступлениями общественно полезный (социально приемлемый) и правомерный поступок, совершаемый при наличии определенных оснований, исключающий общественную опасность и противоправность деяния, а тем самым и уголовную ответственность лица за причиненный вред[4].

---

[1] Курс российского у головного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 2001. – С. 419.

[2] Блинников В.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния в уголовном праве России. – Ставрополь: СФ КЮИ МВД РФ, 2001. – С. 30.

[3] Уголовное право России. Общая часть / под ред. Л.Л. Кругликова. – М.: Волтерс Клувер, 1999. – С. 272.

[4] Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. – Харьков: Основа, 1991. – С. 15.

При этом отметим, что все обстоятельства, указанные в 8 главе Уголовного кодекса РФ 1996 г., чрезвычайно различны. Необходимо выделить определенный юридический критерий, который объединяет все эти обстоятельства.

Советская доктрина уголовного права исходила из того, что основным признаком преступления является его общественная опасность[1]. Этот признак заключается в способности предусмотренного уголовным законом деяния причинять вред или создавать угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом объектам или интересам. То есть общественная опасность – это материальный признак преступного деяния, раскрывающий его социальную сущность. Причем этот материальный признак, согласно существовавшей и существующей поныне доктрине, является основным, а формальный признак (уголовная ответственность) объявляется производным от него[2]. Существует позиция, определяющая общественную опасность в качестве универсальной категории уголовного права.

Общественная опасность – категория объективная, существующая вне зависимости от нас, имманентно и, более того, субстанционно присуща всем, без исключения, правонарушениям[3].

Авторы данной концепции считают, что общим знаменателем, объединяющим ст. 37–42 УК РФ, является отсутствие общественной опасности[4].

А.А. Пионтковский писал: «При некоторых обстоятельствах деяния, по своим внешним чертам схожие с признаками того или иного преступления, в действительности не являются общественно опасными; они не только не представляют собой опасности … но, наоборот, являются полезными»[5].

---

[1] Голик Ю.В. Поощрительные нормы в проекте Основ уголовного законодательства // Новый уголовный закон. – Кемерово, 1989. – С. 65.

[2] Советское уголовное право: Общая часть / под ред. Г.А. Кригера, Н.Ф. Кузнецовой, Ю.М. Ткачевского. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. – С. 198.

[3] Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяний как универсальная категория советского уголовного права. – М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1989. – С. 53.

[4] Аликперов Х.Д. Указ. сочин. – С. 2, 11.

[5] Курс советского уголовного права. Т. 2. Преступление / под ред. А.А. Пионтковского. – М.: Наука, 1970. – С. 342.

Н.И. Пикуров считает, что при наличии обстоятельства, исключающего преступность, деяние «не только не является общественно опасным, но направлено на достижение общественно полезных целей, либо нейтрально по отношению к общественным интересам»[1].

Б.Т. Разгильдиев также считает обстоятельства, исключающие преступность деяния, общественно полезными[2].

А.Б. Иванов, считает, что «действующее российское уголовное законодательство призвано поддерживать инициативу и активность людей, действующих при защите правоохраняемых интересов, не признавая противоправными деяния, хотя и содержащие некоторые признаки преступления, но совершенные в состоянии необходимой обороны, при задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимости и оправданного профессионального и хозяйственного риска. Естественно, этот правовой механизм должен работать четко, понятно, обеспечивая при этом надежную защиту законных интересов граждан и государства.

Вместе с тем его эффективность возрастает, если он воспринимается в глазах общества как ценное правовое явление, способное привести к достижению социально полезных целей»[3].

В.А. Елеонский относит некоторые из обстоятельств, исключающих преступность деяния, к «поощряющим социально-правовую активность личности»[4].

Н.И. Загородникова и Н.А. Стручкова, пришли к выводу, что рассматриваемые нормы поощрительными не являются, поскольку они ничего не прибавляют к объему прав гражданина, не дают ему никаких новых благ[1].

---

[1] Российское уголовное право. Общая часть / под ред. М.П. Журавлева. – М.: Щит-М, 1999. – С. 139.

[2] Разгильдиев Б. Общественно полезные деяния, предусмотренные УК // Законность. – 1993. – № 12. – С. 18.

[3] Иванов А.Б. Институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – М., 1998. – С. 87.

[4] Елеонский В.А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел. – Хабаровск: Изд-во Хабар ВШ МВД СССР, 1984. – С. 30.

Действительно, никто же не премирует человека за то, что он задержал преступника или воспользовался правом на необходимую оборону. Данные действия располагаются в пределах личной автономии лица. И право в данном случае не поощряет и не помогает, а скорее не мешает человеку поступать, сообразно своим морально-нравственным устоям.

Ю.В. Голик справедливо отмечает, что поощрительная норма должна применяться тогда, когда наказание становится явно неэффективным либо когда частично отбытое наказание уже сыграло свою роль.

Сходной точки зрения придерживаются другие ученые, считающие общим знаменателем, объединяющим в 8 главе Уголовного кодекса РФ 1996 г. шесть обстоятельств, исключающих преступность деяния, то, что названные обстоятельства, являются либо предписывающими, либо управомачивающими[2].

Х.Д. Аликперов считает нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, нормами, допускающими компромисс в борьбе с преступностью. При этом он объединяет в одну категорию нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, добровольном отказе, давности, специальных основаниях освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных нормами Особенной части УК и пр.

На отсутствие общественной опасности как признака преступления указывает лишь положение ч. 2 ст. 14 УК РФ. То есть законодатель умышленно определил данное положение обособленно, дабы показать, что отсутствие общественной опасности, как необходимого признака преступления, при наличии формальных признаков какого-либо деяния, имеющее место при малозначительности, единичный случай в уголовном праве РФ. Значит, во всех остальных случаях нельзя говорить об отсутствии общественной опасности в содеянном.

Соответственно, при любом из указанных обстоятельств надо говорить о фактическом наличии вреда объекту уголовно-правовой охраны, что означает, что

---

[1] Загородников Н.И. Направление изучения советского уголовного права // Советское государство и право. – 1981. – № 7. – С. 53.

[2] Коняхин В.П. Нормы Общей части УК РСФСР. Содержание, виды, функции: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – М., 1985. – С. 11.

деяние, совершенное в рамках любого из названных обстоятельств, сохраняет характеристику общественно опасного. И, если, например, в результате физического или психического принуждения (или любого другого обстоятельства) лицо причинит смерть другому человеку, то данное деяние будет обладать признаком общественной опасности. В силу положений ч. 2 ст. 20 Конституции РФ[1], насильственная смерть человека при любых обстоятельствах и при отсутствии смертельного приговора суда остается общественно опасным. Причинение вреда охраняемым Уголовным законом интересам в рамках обстоятельств, исключающих преступность деяния, позволяет утверждать, что такой признак деяния как его общественная опасность никуда не исчезает.

Мысль о том, что нельзя говорить об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, как о правовых явлениях, исключающих общественную опасность, была высказана и классиками, и современными исследователями.

Высказанная в литературе точка зрения о том, что наличие обстоятельства, исключающего преступность деяния, является основанием освобождения от уголовной ответственности, не соответствует действующему законодательству. Не совсем верно смешивать криминологические и уголовно-правовые понятия. Законодатель четко определил в главе 11 УК РФ пять видов освобождения от уголовной ответственности. Во всех случаях, указанных в УК РФ, лицо может быть освобождено от уголовной ответственности только тогда, когда оно совершит деяние, содержащее состав преступления. Только когда совершенно деяние, содержащее все признаки состава преступления, можно говорить о возможности в том или ином случае применить одно из оснований освобождения от уголовной ответственности. Освобождаться от ответственности могут только те лица, которые подлежат ответственности – т. е. совершившие преступление. Наличие обстоятельства, исключающего преступность содеянного, и соблюдение

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.

критериев допустимости последнего не освобождают, а исключают уголовную ответственность.

Представляется, что исключение преступности не всегда можно связывать с исключением такого признака деяния как его общественная опасность. Так, например, в силу ч. 2 ст. 14 УК РФ формально подпадающее под признаки нормы Особенной части УК РФ деяние не считается преступлением в силу своей малозначительности – если оно не было общественно опасным. Но законодатель определил данное положение отнюдь не наряду с необходимой обороной и иными обстоятельствами, исключающими преступность деяния. Основанием для исключения преступности в главе 8 УК РФ является отсутствие иного признака, нежели общественная опасность.

А.В. Наумов отметил, что все эти обстоятельства исключают и уголовную противоправность, и общественную опасность, и виновность, и наказуемость деяния, а, следовательно, и его противоправность. Тот же ученный пишет, что необходимо отказаться от принятой трактовки взаимосвязи материального и формального признака преступления, когда в основу кладется материальный признак (общественная опасность), а уголовная противоправность (формальный признак) объявляется производным от него. «Видимо, в правовом государстве первое место должен занять признак противоправности».

В.Н. Кудрявцев разделяет его точку зрения, говоря, что при применении уголовного закона «на первое место выдвигается противоправность: если деяние предусмотрено уголовным законом, то его общественная опасность презюмируется».

Противоправность деяния означает его формальную запрещенность Уголовным законом. Отсутствие же противоправности – отсутствие законодательного запрета на его совершение. Если же Закон позволяет совершение деяния и причинение того или иного вреда – последние не могут, ни в каком случае признаваться преступными.

А С.Г. Келина считает, что для отдельных обстоятельств существуют разные основания для исключения преступности причиненного вреда: при необходимой обороне и задержании лица, совершившего преступление – это отсутствие общественной опасности; при исполнении приказа – отсутствие виновности; при крайней необходимости, физическом или психическом принуждении, обоснованном риске – отсутствие противоправности.

В.А. Блинников считает, что при наличии того или иного обстоятельства, исключающего преступность деяния, в деянии сохраняются все признаки определенного состава преступления. Однако деяние лица не может подлежать уголовно-правовой оценке в силу наличия самого такого дозволительного обстоятельства, которое аннулирует противоправность причинения вреда – то есть исключает формальный признак преступности деяния. С другой стороны, нарушение условий правомерности обстоятельства позволяет такой же вред расценивать как преступный.

А.Г. Кибальник также указывает на исключение противоправности содеянного при наличии того или иного обстоятельства, исключающего преступность деяния.

С.В. Пархоменко считает, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, хотя «формально и содержат признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным Кодексом, но согласно специальному предписанию преступлением не являются». Позиция С.В. Пархоменко нам достаточно интересна, но мы не согласны с объединением в одну группу с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, других правовых институтов.

В.В. Калугин обстоятельство, исключающее преступность деяния, определяет как указанное в Уголовном законе основание, исключающее уголовную ответственность за причиненный охраняемым интересам вред. Такое исключение уголовной ответственности возможно при соблюдении критериев допустимости причинения вреда в рамках каждого из названных обстоятельств, что «позволяет расценить причиненный вред как не противоправный».

Очевидно, что уголовно-правовой оценке может подлежать не само обстоятельство как таковое (факт обороны, крайней необходимости и т. п.), а причиненный а рамках этого обстоятельства вред охраняемым уголовным правом отношениям и интересам, то есть объекту уголовно-правовой охраны.

Общественная опасность как универсальная категория уголовного права как раз и означает фактическое причинение такого вреда деянием или создание реальной угрозы причинения вреда.

Правомерность и общественная опасность не являются взаимоисключающими понятиями в уголовном праве. Поэтому совершенное деяние, будучи по определению общественно опасным, в то же время может характеризоваться как правомерное, то есть допускаемое при определенных обстоятельствах уголовным правом.

Уголовный закон делает исключение, разрешая причинять вред охраняемым им интересам при наличии определенных обстоятельств. А последние являются по своей природе исключающими признак противоправности в общественно опасном деянии лица. Отсутствие общественной опасности причиненного вреда при наличии указанных обстоятельств исключало бы наличие уголовного правоотношения как такового: нет фактического причинения вреда охраняемым Уголовным законом интересам – нет и уголовно значимого юридического факта, на основе которого возникло бы правоотношение. Но как раз такое правоотношение возникает в силу дозволительности причинения указанного вреда самим уголовным законом.

Представляется более правильным признание общим признаком, объединяющим все обстоятельства, исключающие преступность деяния, отсутствие признака противоправности[1].

Анализ понятия и признаков добровольного отказа от совершения преступления, а также анализ понятия и признаков обстоятельств, исключающих

[1] Луценко Е.Г. О признаках обстоятельств, исключающих преступность деяния // Наука. Инновации. Технологии. – 2011. – № 5-1. – С. 239.

преступность деяния позволил нам определить некоторые общие черты этих двух институтов, а также выявить некоторые отличия.

Итак, сходство заключается во-первых в том, что добровольный отказ и обстоятельства исключающие преступность деяния предусмотрены уголовным законом. Во-вторых, оба указанных института исключают преступность и наказуемость деяния. В-третьих наличие обстоятельств исключающих преступность деяния либо наличие добровольного отказа от совершения преступления исключают привлечение лица к уголовной ответственности.

Различие рассматриваемых институтов уголовного права во-первых, проявляется в том, что при добровольном отказе от совершения преступления вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, как правило, не причиняется. Также укажем, что многие авторы считают действия, совершенные в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости общественно полезными от начала до конца, а при добровольном отказе действия представляют собой только прекращение общественно опасной деятельности, погашающее уголовную ответственность[1]. Акт необходимой обороны всегда вызывает положительную оценку. Общественно опасное посягательство, даже если оно окончилось добровольным отказом, не может не влечь известного отрицательного отношения, тем более, что мотивы добровольного отказа могут быть самыми различными. Исходя из этого, закон и устанавливает различные основания исключения уголовной ответственности при добровольном отказе и при необходимой обороне, а также при крайней необходимости. Правомерными и общественно полезными являются действия, совершенные при необходимой обороне и крайней необходимости, ибо они совершаются при защите интересов личности, охраняемых законом интересов общества или государства и т. д. Учитывая эти обстоятельства, законодатель специально их выделяет и указывает, что они исключают уголовную ответственность. При добровольном же отказе действия лица перестают быть преступными лишь при его волевой деятельности,

[1] Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. – М.: Государственное издательство юридической литературы. – С. 192.

направленной на прекращение начатого преступления[1]. Во-вторых, для определения границ обстоятельств исключающих преступность деяния устанавливаются правила (условия), определяющие правомерность таких обстоятельств. В-третьих, есть определенное различие в мотивах поведения лица, при добровольном отказе мотивы значения не имеют, они могут быть любыми (страх наказания, жалость к потерпевшему и др.). При обстоятельствах исключающих преступность деяния мотив является вполне определенным. Например, при задержании лица совершившего преступление мотивом действий задерживающего лица является пресечение совершения преступления и доставление задерживаемого в правоохранительные органы.

В подавляющем большинстве специальные основания освобождения от уголовной ответственности, как и добровольный отказ, включают в себя признак добровольности. В частности он отражен в примечаниях к ст. 126, 127.1, 204, 206, 208, 210 и т. д. УК РФ.

Что касается специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, то в их основе в большинстве случаев, как и при добровольном отказе, лежит требование законодателя от прекращения преступления: сдать незаконно находящееся у виновного оружие или наркотические средства, выйти из незаконного вооруженного формирования или преступного сообщества, отпустить похищенного человека.

Однако при добровольном отказе достаточно просто прекратить приготовление или покушение на преступление, а специальные основания освобождения от уголовной ответственности, как правило, требуют некоторой публичности такого прекращения. Например, преступник добровольно прекращает душить жертву и уходит – это добровольный отказ от убийства. При незаконном обороте оружия, например, необходимо, чтобы виновный сдал оружие в правоохранительные органы, тем самым заявив о совершении преступления. Однако и в условиях специальных оснований освобождения от

[1] Скорилкин Н.М. Добровольный отказ от преступления и его место в системе обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности: дисс. … канд. юрид. наук. – М., 1998. – С. 69.

уголовной ответственности также может отсутствовать элемент публичности. Так, при добровольном освобождении похищенного человека, виновному достаточно освободить потерпевшего, не заявляя при этом в правоохранительные органы.

Прекращения покушения на преступление или приготовление к нему как типовое деяние при добровольном отказе четко не регламентировано в УК РФ. А каждое специальное основание освобождения от уголовной ответственности содержит в себе конкретные позитивные постпреступные деяния, которые должен совершить виновный для освобождения его от уголовной ответственности. Такие деяния закрепляются исходя из характера преступлений, к которым предусмотрены специальные основания освобождения от уголовной ответственности.

Осознание продолжать преступление при исследуемых основаниях аналогично осознанию возможности доведения начатого преступления до конца при добровольном отказе. Окончательность отказа от продолжения преступной деятельности вытекает из характера общественной опасности преступления, к которому предусмотрены специальные основания освобождения от уголовной ответственности. Например, если заложники отпущены, вероятность продолжения этого преступления отсутствует.

Однако на этом сходство добровольного отказа и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности не заканчивается.

Определимся с признаками специальных оснований освобождения от уголовной ответственности. Так, специальные основания освобождения от уголовной ответственности: закрепляются в большинстве случаев в отношении преступлений с «кумулятивной» опасностью. Такая опасность характеризуется реальной возможностью или неизбежностью эскалации на другие объекты уголовно-правовой охраны; являются относительно самостоятельными уголовно-правовыми нормами, закрепленными применительно к конкретным преступлениям; закрепляются в форме примечаний к статьям Особенной части УК РФ; направлены на выявление других преступлений (примечание к

ст. 291 УК РФ) либо на предотвращение более тяжких преступлений относительно преступления, к которому примечание применяется (примечание к ст. 126 УК РФ); стимулируют конкретное альтернативное позитивное поведение виновного после или во время совершения преступления; подлежат обязательному учету и применению.

Сходными чертами добровольно отказа и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности является то, что обе эти категории представляют собой основания освобождения от уголовной ответственности. При добровольном отказе не наступают общественно опасные последствия или деяние вообще не совершается, т. е. общественная опасность не получает совей полной реализации. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности также обуславливают нейтрализацию «кумулятивной» опасности, не дают ей развиться относительно других общественных отношений.

В сущности оба исследуемых основания являются альтернативными вариантами разрешения уголовно-правового конфликта, дают преступнику возможность нейтрализовать общественную опасность своего преступления.

Мотивы и цели виновного при добровольном отказе и при специальных основаниях освобождения от уголовной ответственности значения не имеют.

Освобождения от уголовной ответственности и в том и в другом случае носит окончательный, безусловный характер.

Оба института регламентируют неоконченную преступную деятельность. Разница лишь в том, что добровольный отказ относится к преступной деятельности неоконченной юридически, а специальные основания освобождения от уголовной ответственности предусмотрены в отношении преступной деятельности оконченной юридически, но фактически не оконченной (большинство таких оснований предусмотрены в отношении длящихся преступлений). К такой деятельности нормы о добровольном отказе применить затруднительно. В связи с этим законодатель предусмотрел относительно оконченных юридически, но не оконченных фактически специальные основания

освобождения от уголовной ответственности. Следовательно, рассматриваемые нормы регулируют вопросы освобождения от уголовной ответственности при неоконченной преступной деятельности.

Однако есть ряд черт, которые отличают добровольный отказ от специальных оснований освобождения от уголовной ответственности.

Главное отличие кроется в целях их установления. Добровольный отказ направлен на пресечение совершаемого преступления и на предотвращение его преступного результата. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности имеют своей целью выявление, пресечение (уже совершенного, но продолжаемого фактически) преступления, а также оптимизацию его раскрытия. При этом есть и вторая цель – предупреждение «смежных» преступлений. Так, устанавливая специальное основание освобождения от уголовной ответственности при захвате заложника, законодатель стимулирует виновного отпустить потерпевших. Тем самым повышается вероятность предотвращения вреда жизни или здоровью заложников, т. е. нейтрализуется «кумулятивная» опасность захвата заложников.

В принципе добровольный отказ применим ко всем преступлениям с умышленной формой вины, так как он закреплен в Общей части УК РФ. Однако, его применение невозможно при покушении на многие длящиеся преступления.

Специальные же основания освобождения от уголовной ответственности в основном относятся именно к таким преступлениям.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что нормы о добровольном отказе и специальные основания освобождения от уголовной ответственности образуют единую систему освобождения от уголовной ответственности. Первые распространяются на юридически не оконченную преступную деятельность, на преступления с «простой» опасностью, а вторые закрепляют относительно фактически не оконченной преступной деятельности, преступлений с «кумулятивной» опасностью. Конкуренция между исследуемыми нормами не существует, скорее можно говорить о их взаимодополняемости.

В следственной и судебной практике также вызывает затруднение разграничение добровольного отказа и вынужденного прекращения преступления.

Сходство двух этих противоположных по своему юридическому значению ситуаций (в первом случае деяние не признается преступлением, а во втором – образует неоконченное преступление) обусловлено общностью некоторых объективных и субъективных признаков.

По объективным признакам их объединяет то, что и в первом, и во втором случаях деяние не доводится до конца, оказывается не завершенным.

С субъективной стороны их сходство заключается в том, что прекращение преступления происходит по сознательному решению лица, уже начавшего совершать деяние.

Вместе с тем эти ситуации имеют принципиальное различие: прекращение преступления при добровольном отказе является добровольным, а при вынужденном оно, хотя и является сознательным и волевым, тем не менее, не может быть признано добровольным. Закон не конкретизирует, любая ли осознаваемая возможность доведения до конца при наличии незавершенности преступления является основанием для применения ст. 31 УК РФ. Думается, что хотя законодатель и не делает здесь буквального ограничения, но осознаваемая возможность как проявление добровольности не равнозначна любому волевому прекращению преступления. Смыслу добровольности будет отвечать только такая возможность доведения преступления до конца, при которой не создается реальной опасности быть разоблаченным и, в конечном счете, подвергнуться наказанию. Если такая опасность существует, то преступление прекращается не из внутренних побуждений, а под давлением ситуации, последняя вынуждает человека изменить поведение. Такое прекращение преступления не соответствует понятию добровольности. В пользу данного толкования свидетельствуют уже сложившиеся в теории и практике представления о добровольности применительно к другим институтам. Например, добровольная явка с повинной по всеобщему признанию отсутствует, если лицо заявляет о совершении им

преступления после того, как следственным органам стало известно, что оно совершило преступление.

Отрицание в подобных случаях добровольности, несомненно, объясняется тем, что поведение «явившегося с повинной» при таких обстоятельствах обусловлено угрозой неминуемого разоблачения и стремлением получить незаслуженную льготу, а не внутренними побуждениями .

Вынужденное прекращение преступления может быть связано с трудностями, с которыми столкнулось лицо, совершающее преступление. При этом завершение преступления затягивается на неопределенное время, появляются дополнительные следы преступления, опасность быть застигнутым на месте преступления и разоблаченным резко возрастает.

В отличие от вынужденного прекращения преступления при добровольном отказе от доведения преступления до конца лицу, начавшему совершать преступление, никакие внешние обстоятельства не мешают продолжить преступление.

Рассмотрев аспекты добровольного отказа на отдельных стадиях совершения преступления, мы пришли к тому, что добровольный отказ возможен только на стадии приготовления и на стадии неоконченного покушения.

Сравнительная характеристика добровольного отказа и деятельного раскаяния, добровольного отказа и обстоятельств, исключающих преступность деяния, а также добровольного отказа и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, показала, что указанные институты имеют как сходные черты, так и различаются друг от друга по некоторым основаниям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение работы мы тезисно остановимся на наиболее важных ее аспектах.

Понятие добровольного отказа от совершения преступление получило законодательное закрепление в УК РФ 1996 г.

В теории нет единой точки зрения относительно определения понятия добровольного отказа от совершения преступления.

Проанализировав различные позиции по вопросу определения понятия добровольного отказа мы пришли к тому, что добровольный отказ необходимо рассматривать в двух значениях – узком и широком.

В узком смысле добровольный отказ – это непосредственно сам акт отказа, то есть прекращение лицом развития начатой им же преступной деятельности.

В широком смысле добровольный отказ понимается как деяние в целом. Иными словами, под добровольным отказом в широком смысле понимается деяние, представляющее изначально реализацию лицом преступного умысла (подготовка к совершению преступления или исполнение деяния), и последующее за ней прекращение данных действий (бездействия) до момента окончания преступления по собственной воле, посягавшее на совершение преступления лицом.

К признакам добровольного отказа относятся: добровольность, осознание лицом реальной возможности доведения преступления до конца, окончательность, своевременность.

Анализ добровольного отказа в уголовном праве зарубежных стран показал, что, во-первых, значение добровольного отказа от преступления для дифференциации уголовной ответственности в различных уголовно-правовых системах многолико. В некоторых странах он исключает уголовную ответственность и наказание. Общему праву США институт добровольного отказа не известен, однако в статутном праве в последнее время он находит свое проявление.

Во-вторых, в ряде стран законодатель дифференцирует особенности добровольного отказа соучастников преступления.

В-третьих, более совершенными следует считать те уголовно-правовые системы, которые не дифференцируют ответственность соучастников преступления при групповом его совершении. Действия организатора, подстрекателя, пособника и соисполнителя, направленные на добровольный отказ от преступления, вполне могут быть учтены в процессе индивидуализации уголовной ответственности.

В-четвертых, законодатели зарубежных стран формулируют добровольный отказ по-разному: одни за пределами покушения и приготовления, выделяя его в самостоятельный институт уголовного права; другие признают его разновидностью покушения и приготовления, соблюдая в неприкосновенности концепцию добровольного отказа.

Далее, во многих странах законодатель вводит в пределы покушения и приготовления добровольный отказ.

Общий вывод следующий – давая определение добровольному отказу, законодательство зарубежных стран не отражает его четкого понятия.

Рассмотрев аспекты добровольного отказа на отдельных стадиях совершения преступления, мы пришли к тому, что необходимо различать виды неоконченного преступления такие как приготовление и покушение, а также стадии развития преступной деятельности, а именно стадия приготовления, стадия неоконченного покушения, стадия оконченного покушения.

Мы не выделяем стадию обнаружения умысла, так как считаем, что она не имеет уголовно-правового значения, а ее рассмотрение интересно лишь с точки зрения криминологии.

Что же касается добровольного отказа, то мы считаем, что он возможен только на стадии приготовления и на стадии неоконченного покушения.

Сравнительная характеристика добровольного отказа и деятельного раскаяния показала, что при добровольном отказе от совершения преступления виновный

освобождается от уголовной ответственности по причине отсутствия общественной опасности, а при освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием виновный освобождается от уголовной ответственности в случае утраты им общественной опасности.

Основания и условия освобождения от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75 УК РФ не тождественны основанию и условиям, предусмотренным ст. 31 УК РФ. В ст. 31 УК РФ законодатель выдвигает требования добровольно и окончательно отказаться от доведения преступления до конца. В ч. 1 ст. 75 УК РФ при наличии таких условий, как совершение преступления впервые и небольшой тяжести, законодатель закрепляет такое основание как позитивная постпреступная деятельность виновного, заглаживающая преступные последствия. Освобождение от уголовной ответственности по ст. 31 УК РФ носит полный, окончательный, безусловный характер, как и по ч. 1 ст. 75 УК РФ, но при этом оно распространяется на все случаи, в которых возможен добровольный отказ, а не ограничивает их круг, как ч. 1 ст. 75 УК РФ.

Добровольный отказ от совершения преступления возможен лишь на стадии приготовления и на стадии неоконченного покушения на преступление. Деятельное раскаяние в смысле ч. 1 ст. 75 УК РФ невозможно при приготовлении к совершению преступления, так как в ч. 2 ст. 30 УК РФ закреплено следующее: уголовная ответственность за преступление наступает только за приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению.

Согласно ч. 1 ст. 75 УК РФ одним из условий освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием является совершение преступления небольшой тяжести, следовательно, деятельное раскаяние может иметь место при оконченном покушении и при оконченном преступлении, что чаще встречается в практике. Добровольный отказ в этих случаях невозможен.

Нужно также отметить, что деятельное раскаяние не может иметь места при неоконченном покушении.

Кроме того, основное назначение добровольного отказа заключается в предупреждении и пресечении преступлений. Говоря о деятельном раскаянии в данном контексте, следует отметить, что при применении этой нормы «страдает» как общая, так и частная превенция. Если же говорить о пресечении преступлений, то в нашем случае деятельное раскаяние не будет иметь места, так как, на наш взгляд, оно призвано каким-либо образом сгладить негативные преступные последствия.

Анализ понятия и признаков добровольного отказа от совершения преступления, а также анализ понятия и признаков обстоятельств, исключающих преступность деяния, позволил нам определить некоторые общие черты этих двух институтов, а также выявить некоторые отличия.

Итак, сходство заключается во-первых в том, что добровольный отказ и обстоятельства исключающие преступность деяния предусмотрены уголовным законом. Во-вторых, оба указанных института исключают преступность и наказуемость деяния. В-третьих наличие обстоятельств исключающих преступность деяния либо наличие добровольного отказа от совершения преступления исключают привлечение лица к уголовной ответственности.

Различие рассматриваемых институтов уголовного права во-первых, проявляется в том, что при добровольном отказе от совершения преступления вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, как правило, не причиняется. Также укажем, что многие авторы считают действия, совершенные в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости общественно полезными от начала до конца, а при добровольном отказе действия представляют собой только прекращение общественно опасной деятельности, погашающее уголовную ответственность.

Во-вторых, для определения границ обстоятельств исключающих преступность деяния устанавливаются правила (условия), определяющие правомерность таких обстоятельств.

В-третьих, есть определенное различие в мотивах поведения лица, при добровольном отказе мотивы значения не имеют, они могут быть любыми (страх наказания, жалость к потерпевшему и др.). При обстоятельствах исключающих преступность деяния мотив является вполне определенным. Например, при задержании лица совершившего преступление мотивом действий задерживающего лица является пресечение совершения преступления и доставление задерживаемого в правоохранительные органы.

Что касается специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, то в их основе в большинстве случаев, как и при добровольном отказе, лежит требование законодателя о прекращении преступления.

Однако при добровольном отказе достаточно просто прекратить приготовление или покушение на преступление, а специальные основания освобождения от уголовной ответственности, как правило, требуют некоторой публичности такого прекращения.

Прекращения покушения на преступление или приготовления к нему как типовое деяние при добровольном отказе четко не регламентировано в УК РФ. А каждое специальное основание освобождения от уголовной ответственности содержит в себе конкретные позитивные постпреступные деяния, которые должен совершить виновный для освобождения его от уголовной ответственности. Такие деяния закрепляются исходя из характера преступлений, к которым предусмотрены специальные основания освобождения от уголовной ответственности.

Сходными чертами добровольно отказа и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности является то, что обе эти категории представляют собой основания освобождения от уголовной ответственности. При добровольном отказе не наступают общественно опасные последствия или деяние вообще не совершается, т. е. общественная опасность не получает совей полной реализации. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности

также обуславливают нейтрализацию «кумулятивной» опасности, не дают ей развиться относительно других общественных отношений.

Мотивы и цели виновного при добровольном отказе и при специальных основаниях освобождения от уголовной ответственности значения не имеют.

Однако есть ряд черт, которые отличают добровольный отказ от специальных оснований освобождения от уголовной ответственности.

Главное отличие кроется в целях их установления. Добровольный отказ направлен на пресечение совершаемого преступления и на предотвращение его преступного результата. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности имеют своей целью выявление, пресечение (уже совершенного, но продолжаемого фактически) преступления, а также оптимизацию его раскрытия. При этом есть и вторая цель – предупреждение «смежных» преступлений. Так, устанавливая специальное основание освобождения от уголовной ответственности при захвате заложника, законодатель стимулирует виновного отпустить потерпевших. Тем самым повышается вероятность предотвращения вреда жизни или здоровью заложников, т. е. нейтрализуется «кумулятивная» опасность захвата заложников.

В принципе добровольный отказ применим ко всем преступлениям с умышленной формой вины, так как он закреплен в Общей части УК РФ. Однако, его применение невозможно при покушении на многие длящиеся преступления.

Специальные же основания освобождения от уголовной ответственности в основном относятся именно к таким преступлениям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Раздел 1 Нормативные правовые акты и иные официальные акты

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.

2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // СЗ РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

3 Уголовный кодекс Голландии / под ред. Б.В. Воложенкин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 510 с.

4 Уголовный кодекс Дании / под ред. С.С. Беляева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 320 с.

5 Уголовный кодекс Болгарии / под ред. А.И. Лукашева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. –298 с.

6 Уголовный Кодекс Японии / под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 226 с.

7 Уголовный Кодекс Испании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: Зерцало, 1998. – 218 с.

8 Уголовный Кодекс Республики Польша / под ред. А.И. Лукашева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 298 с.

9 Уголовный Кодекс Республики Армения от 18.04.2003. – *URL: http://www.competition.am/upl*

10 Уголовный Кодекс Кыргызской Республики / под ред. А.П. Стуканова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 350 с.

Раздел 2 Литература

11 Ананьин, А.Ф. Организация, подстрекательство и пособничество в групповом преступлении: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / А.Ф. Ананьин. –

Свердловск, 1980. – 23 с.

12 Аликперов, Х.Д. Виды норм уголовного законодательства, допускающие компромисс в борьбе с преступностью / Х.Д. Аликперов. – Баку: Элм, 1992. – 196 с.

13 Аликперов, Х.Д. Правовые нормы, допускающие компромисс в борьбе с преступностью / Х.Д. Аликперов // Советское государство и право. – 1992. – № 4. – С. 75–78.

14 Аликперов, Х.Д. УК РФ и некоторые виды освобождения от уголовной ответственности / Х.Д. Аликперов, К.Ш. Курбатов // Государство и право. – 2000. – № 1. – С. 54–58.

15 Баулин, Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / Ю.В. Бакулин. – Харьков: Основа, 1991. – 360 с.

16 Блинников, В.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния в уголовном праве России / В.А. Блинников. – Ставрополь: СФ КЮИ МВД РФ, 2001. – 403 с.

17 Бородин, С.В. Квалификация убийства по действующему законодательству / С.В. Бородин. – М.: Юрид. лит., 1966. – 252 с.

18 Бурчак, Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву / Ф.Г. Бурчак. – Киев: София, 1968. – 216 с.

19 Галкин, В.М. Система поощрений в уголовном праве / В.М. Галкин. – М.: Современник, 1990. – 96 с.

20 Гладких, А.А. Проблемы разграничения оснований освобождения от уголовной ответственности по статьям 31 и 75 УК РФ / А.А. Гладких // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2002. – № 3. – С. 74–78.

21 Годунов, О.И К вопросу о неоконченном преступлении и уголовно-правовом значении стадий осуществления преступного намерения / О.И. Годунов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. – 2009. – № 4. – С. 11–21.

22 Голик, Ю.В. Поощрительные нормы в проекте Основ уголовного

законодательства / Ю.В. Голик // Новый уголовный закон. – Кемерово, 1989. – 167 с.

23 Гринь, М.В. Неоконченное преступление: автореф. дис. … канд. юрид. наук / М.В. Гринь. – Краснодар, 2003. – 23 с.

24 Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4 / В.И. Даль. – М.: Цитадель, 1991. – 4249 с.

25 Дадакаев, Э.Р. Институт деятельного раскаяния и его реализация при освобождении от уголовной ответственности: дисс. … канд. юрид. наук / Э.Р. Дадакаев. – М., 2002. – 188 с.

26 Демежанова, С.М. История развития добровольного отказа от совершения преступления / С.М. Демежанова // Проблемы права. – 2009. – № 2. – С. 107–110.

27 Дурманов, Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н.Д. Дурманов. – М.: Госюриздат, 1955. – 209 с.

28 Дьяков, С. Добровольный отказ от совершения преступления / С. Дьяков // Социальная законность. – 1973. – № 10. – С. 56–60.

29 Есаков, Г.А. Покушение как разновидность неоконченного преступления в английском уголовном праве / Г.А. Есаков // Русский закон. – 2005. – № 2. – С. 375–393.

30 Ендольцева, А.В. Институт деятельного раскаяния в уголовном праве: автореферат дис. … канд. юрид. наук / А.В. Ендольцева. – М., 2000. – 27 с.

31 Елеонский, В.А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел / В.А. Елеонский. – Хабаровск: Изд. Хабар. ВШ МВД СССР, 1981. – 108 с.

32 Забарчук, Е.Л. Деятельное раскаяние в уголовном праве: вопросы теории и практики: дис. … канд. юрид. наук / Е.Л. Забарчук. – М., 2006. – 196 с.

33 Исаев, М.М. Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик / М.М. Исаев. – М.: Изд-во Ком. Акад., 1927. – 465 с.

34 Иванов, В.Д. Понятие добровольного отказа от начатой преступной деятельности / В.Д. Иванов // Правоведение. – 1992. – № 1. – С. 60–63.

35 Иванов, В.Д. Добровольный отказ от совершения преступления / В.Д. Иванов. – М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1982. – 56 с.

36 Иванов, А.Б. Институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление: автореф. дисс. … канд. юрид. наук / А.Б. Иванов. – М., 1998. – 24 с.

37 Ильина, А.И. К вопросу о значении сравнительно-правового метода для совершенствования правил экстерриториального действия российского уголовного закона в пространстве / А.И. Ильина // Вестник Башкирского университета. – 2011. – № 4. – С. 1441–1445.

38 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Л. Крутикова. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 538 с.

39 Коробеев, А.И. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы / А.И. Коробеев, А.В. Усс, Ю.В. Голик. – Красноярск: Изд. Красноярского ун-та, 1991. – 240 с.

40 Козлов, А.П. Учение о стадиях преступления / А.П. Козлов. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 353 с.

41 Козлов, А.П. Неоконченное преступление : учеб. пособие / А.П. Козлов. – Красноярск: КГУ, 1999. – 280 с.

42 Коняхин, В.П. Нормы Общей части УК РСФСР. Содержание, виды, функции: автореф. дисс. … канд. юрид. наук / В.П. Коняхин. – М., 1985. – 18 с.

43 Кибальник, А.Г. Основные положения уголовного права Аргентины / А.Г. Кибальник // Общество и право. – 2010. – № 4. – С. 110–113.

44 Курс уголовного права: общая часть : учеб. для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: Зерцало-М, 2002. – 624 с.

45 Курс советского уголовного права. Т. 2. Преступление / под ред. А.А. Пионтковского. – М.: Наука, 1970. – 516 с.

46 Курс российского у головного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 2001. – 767 с.

47 Кузнецова, Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и

покушение на преступление по советскому уголовному праву / Н.Ф. Кузнецова. – М.: Изд. МГУ, 1958. – 203 с.

48 Кузнецова, Н.Ф. Добровольный отказ от преступления в советском уголовном праве / Н.Ф. Кузнецова // Вестник Московского университета. – 1955. – № 1. – С. 96–97.

49 Лясс, Н.В. Стадии преступной деятельности по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Лясс. – Л., 1952. – 23 с.

50 Лясс, Н.В. Добровольный отказ от совершения преступления / Н.В. Лясс // Советская юстиция. – 1963. – № 22. – С. 16–18.

51 Ляпунов, Ю.И. Общественная опасность деяний как универсальная категория советского уголовного права / Ю.И. Ляпунов. – М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1989. – 119 с.

52 Луков, Г.Д. Психология / Г.Д. Луков, В.К. Платов. – М.: Воениздат, 1964. – 344 с.

53 Лясс, Н.В. Добровольный отказ от совершения преступления / Н.В. Лясс. – М.: Сов. Юстиция, 1963. – 85 с.

54 Луценко, Е.Г. О признаках обстоятельств, исключающих преступность деяния / Е.Г. Луценко // Наука. Инновации. Технологии. – 2011. – № 5-1. – С. 239–240.

55 Марченко, М.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть / М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2001. – 560 с.

56 Малиновский, А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права / А.А. Малиновский. – М.: Международные отношения, 2002. – 376 с.

57 Малиновский, А.А. Уголовное право зарубежных государств / А.А. Малиновский. – М.: Новый Юрист, 1998. – 128 с.

58 Михайлов, В.А. Уголовное дело прекратить / В.А. Михайлов // Человек и закон. – 1997. – № 9. – С. 5–6.

59 Назаренко, Г.В. Русское уголовное право: общая часть: курс лекций / Г.В. Назаренко. – М.: Ось-89, 2000. – 256 с.

60 Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть / А.В. Наумов. – М.: БЕК, 1996. – 450 с.

61 Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. П.Н. Панченко. – Н. Новгород: Городец, 1996. – 608 с.

62 Никулин, С.И. Деятельное раскаяние и его значение для органов внутренних дел / С.И. Никулин. – М.: МВШ МВД СССР, 1985. – 64 с.

63 Орлова, А.И. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Орлова. – Красноярск, 2007. – 197 с.

64 Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

65 Овсепян, Л.Г. Уголовно-правовая охрана флоры и фауны по законодательству Армении и России (сравнительно-правовое исследование) / Л.Г. Овсепян. – Владимир: Актион-пресс, 2008. – 200 с.

66 Панько, К.А. Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности / К.А. Панько. – М.: Наука, 1998. – 203 с.

67 Петрикова, С.В. Понятие деятельного раскаяния в уголовном праве РФ / С.В. Петрикова // Социально-политические науки. – 2012. – № 3. – С. 84–86.

68 Пионтковский, А.А. Вопросы Общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов / А.А. Пионтковский. – М.: Госюриздат, 1954. – 131 с.

69 Разгильдиев, Б. Общественно полезные деяния, предусмотренные УК / Б. Разгильдиев // Законность. – 1993. – № 12. – С. 18–21.

70 Редин, М.П. Преступления по степени их завершенности / М.П. Редин. – М.: Юрлитинформ, 2006 – 200 с.

71 Редин, М.П. Осуществление преступного намерения и неоконченного преступления / М.П. Редн // Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 159–160.

72 Редин, М.П. Стадии осуществления преступного намерения и их уголовно-правовое значение / М.П. Редин // Следователь. – 2003. – № 7. – С. 18–21.

73 Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 2000. – 767 с.

74 Российское уголовное право. Общая часть / под ред. М.П. Журавлева. – М.: Щит-М, 1999. – 280 с.

75 Сахаров, А.Б. Предупредительная функция советского уголовного закона / А.Б. Сахаров // Актуальные проблемы уголовного права: сборник статей. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1988. – С 74–82.

76 Сафронов, А.Д. Добровольный отказ от совершения преступления и деятельное раскаяние преступника: автореф. дисс. … канд. юр. наук / А.Д. Сафронов. – М., 1977. – 22 с.

77 Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) / А.Х. Саидов. – М.: Юристъ, 2003. – 448 с.

78 Сверчков, В. Место добровольного отказа от преступления в системе уголовного законодательства / В. Сверчков // Уголовное право. – 2001. – № 2. – С. 28–32.

79 Ситникова, А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление / А.И. Ситникова. – М.:Ось-89, 2006. – 160 с.

80 Скорилкин, Н.М. Добровольный отказ от преступления и его место в системе обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности: дисс. … канд. юрид. наук / М.Н. Скорилкин. – М., 1998. – 165 с.

81 Советское уголовное право: Общая и Особенная части / под ред. Ю.В. Солопанова. – М.: Юрид. лит., 1981. – 464 с.

82 Советское уголовное право: Общая часть / под ред. Г.А. Кригера, Н.Ф. Кузнецовой, Ю.М. Ткачевского. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. – 368 с.

83 Таганцев, Н.С. Русское уголовное право (Общая часть): курс лекций. Т. 1 / Н.С. Таганцев. – М.: Наука, 1994. – 380 с.

84 Тадевосян, Л.З. Неоконченные преступления: монография / Л.З. Тадевосян. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 207 с.

85 Тадевосян, Л.З. Добровольный отказ от преступления при соучастии / Л.З. Тадевосян // Вектор науки ТГУ. – 2010. – № 1. – С. 139–142.

86 Тадевосян, Л.З. Социальное значение уголовно-правового института деятельного раскаяния / Л.З. Тадевосян // Вектор науки ТГУ. – 2010. – № 3. – С. 196–198.

87 Тер-Акопов, А.А. Добровольный отказ от совершения преступления / А.А. Тер-Акопов. – М.: Юрид. лит., 1982. – 96 с.

88 Тишкевич, Н.В. Приготовление и покушение по уголовному праву / Н.В. Тишкевич. – М.: Госюриздат, 1958. – 260 с.

89 Тихомиров, Ю.А. Курс сравнительного правоведения / Ю.А. Тихомиров. – М.: НОРМА, 1996. – 432 с.

90 Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рарога. – М.: ТК Велби Издательство «Проспект», 2004. – 704 с.

91 Уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Петрашева. – М.: Издательство ПРИОР, 1999. – 544 с.

92 Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учеб. пособие / под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Омега-Л, 2003. – 576 с.

93 Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. материалов / под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Зерцало, 1998. – 352 с.

94 Уголовное право зарубежных государств / под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Зерцало, 2001. – 546 с.

95 Уголовное право России: учеб. для вузов / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М.: Норма, 1999. – 1008 с.

96 Уголовный закон и преступление / под ред. Э.С. Тенчова. – Иваново: Изд-во Иван. ун-та, 1997. – 112 с.

97 Уголовное право. Часть общая. Часть особенная: учебник / под ред. Л.Д. Гаухмана. – М.: Юриспруденция, 1999. – 784 с.

98 Уголовное право России. Общая часть / под ред. Л.Л. Кругликова. – М.:

Волтерс Клувер, 1999. – 592 с.

99 Цвайгерт, К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х тт. Том I: Основы / К. Цвайгерт, Х. Кетц. – М.: Международные отношения, 2000. – 480 с.

100 Чернокозинская, С.В. Приготовление к преступлению: понятие и основания криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказания / С.В. Чернокозинская. – Тамбов: Першина, 2006. – 228 с.

101 Чупрова, О.Н. Добровольный отказ от преступления: особенности дифференциации ответтсвенности / О.Н. Чупрова / Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2007. – № 2. – С. 109–113.

102 Шамина, М.А. Дискуссионные подходы к определению понятия «Добровольный отказ от совершения преступления» / М.А. Шамина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 35. – С. 66–68.

103 Шатилович, С.Н. Деятельное раскаяние и наказуемость преступлений: дис. … канд. юрид. наук / С.Н. Шантилович. – Н. Новгород, 2002. – 228 с.

104 Щерба, С.П. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении / С.П. Щерба, А.В. Савкин. – М.: Спарк, 1997. – 110 с.

Раздел 3 Постановления высших судебных инстанций и материалы судебной практики

105 Дело № 22-0078/2015 … из архива Ивановского областного суда за 2015 г.;

106 Дело № 22-584/2014 … из архива Архангельского областного суда за 2014 г.

107 Дело № 22-1883/2014 … из архива Верховного суда Республики Мордовия за 2014 г.

108 Дело № 1-45 /2014 … из архива Челябинского гарнизонного военного

суда за 2014 г.

109 Дело № 1-60/2014 … из архива Кусинского районного суда Челябинской области за 2014 г.;

110 Дело № 1-711/2014 … из архива Тракторозаводского районного суда г. Челябинска за 2014 г.;

111 Дело № 1-263/2014 … из архива Тракторозаводского районного суда г. Челябинска за 2014 г.;

112 Дело № 1-108/2014 … из архива Кыштымского городского суда Челябинской области за 2014 г.;

113 Дело № 1-374/2014 … из архива Советского районного суда г. Челябинска за 2014 г.

114 Дело № 1-2/2014 … из архива Уватского районного суда Тюменской области за 2014 г.

115 Дело № 1-543/2014 … из архива Златоустовского городского суда Челябинской области за 2014 г.

116 Дело № 1-500/2014 … из архива Комсомольского районного суда г. Тольятти за 2014 г.

117 Дело № 1-39/2012 … из архива Красноборского районного суда Архангельской области за 2012 г.

118 Дело № 22-1443/2011 … из архива Воронежского областного суда за 2011 г.;

119 Дело в отношении В.В. Котова … из архива Курского областного суда за 2011 г.

120 Дело № 1-287/2011 … из архива Озерского городского суда Челябинской области за 2011 г.

121 Дело № 1-70/2011 … из архива Ашинского городского суда за 2011 г.